

выпуск № 19 Сентябрь 2008 / issue № 19 September 2008 /// газета платформы "Что делать?" // newspaper of the platform "Chto Dealt / What is to be done?"

**ПЕРЕСТРОЙКА
ОПЫТЫ
ПОРАЖЕНИЯ**

***WHAT DOES IT MEAN TO LOSE?
THE EXPERIENCE OF PERESTROIKA***

Борис Кагарлицкий и Артем Магун Уроки перестройки

Артем Магун: я думаю, что нам было бы важно поговорить с Вами о перестройке:

- во-первых, потому, что Вы были активным участником перестройки и, с точки зрения нашей группы, остаетесь одним из немногих активистов, кто по-прежнему верен ее эмансипаторному содержанию; - во-вторых, потому что мы с Вами разделяем в основном оценку сегодняшней ситуации в стране, но расходимся в оценке перестройки: я считаю ее своеобразной революцией, а Вы, в своей важной книге, называете ее «Реставрацией».

1. От событий перестройки нас отделяет уже 20 лет - довольно большой исторический срок - такой же, как тот, что отделял саму перестройку от конца оттепели и от событий 1968 года в Западной Европе. Однако специфика серьезных исторических событий - в том, что их значение не заключено внутри них, а определяется постепенно и пост-фактум, в зависимости того, как оборачивается история после них. Так, сегодня перестройка, отходя постепенно в историческое прошлое, выглядит иначе, чем 20 лет назад: стал ясен ее разрушительный, катастрофический смысл (о котором в саму перестройку твердили лишь закостеневшие ретрограды), эгоистическая заинтересованность западных властей, которые, хотя и активно помогли России в 1990е, тем не менее явно сыграли на ее ослабление и возвращение в мировую «полупериферию». Ваши собственные работы активно используют, при оценке перестройки, широкий исторический контекст прошлого - и внутреннюю историю Октябрьской революции, которую перестройка завершила, и историю России как «периферийной империи», судьбу которой продолжил поздний СССР.

Тем не менее, и полностью внешний взгляд на событие тоже неверен: событие успевает зафиксировать на века саму свою событийность, и субъективность, которая связана с этим событием. Субъект переживает потоком множество изменений, но остается этим субъектом - в нашем случае постсоветской Россией, постсоветским гражданином РФ, с его отказом от верности советскому коммунизму и (обманутыми) ожиданиями западного процветания. Перестройка произвела субъективацию, на короткое время активизировав и мобилизовав субъекта политически, а на будущее оставив в нем как вкус к свободе, так и презрение к идеологии, цинизм и отчуждение от других людей. Субъективность политически значима, потому что именно она обеспечивает политическое сопровождение любых социально-экономических трансформаций, и в частности социалистическое или коммунистическое общество может строиться только на революционной субъективности масс, их воле к самоуправлению.

Я вкратце повторю мой тезис о революционности «перестройки», который подробно изложен в только что вышедшей книге. Перестройка, и ее последствия 1990х были по всем явным признакам революционны: в результате серьезной демократической мобилизации, пускай запущенной сверху, и прихода к власти оппозиции, было разрушено и отменено существующее государство, а главное, разрушено и радикально изменена социально-экономическая структура - разумеется не в одночасье, но тем не менее бесповоротно: социально-экономические отношения между людьми изменились, они стали друг другу конкурентами, многие вступили в отношения взаимной эксплуатации, государство прекратило выполнять роль патерналистского распределителя, резко выросло имущественное неравенство. В то же время - как это характерно для революционных времен - резко выросла социальная мобильность, делались головокружительные карьеры и состояния, в идеологии не было и подобия консенсуса, так что в массовых СМИ сталкивались полярно противоположные идеи и оценки, преобладавший стиль политического комментария был циничен, ироничен и гиперкритичен по отношению к властям - так что общество было гораздо более «открытым», чем в западных «демократиях».

Но не менее, а может, и более важно то, что произошло на субъективном уровне: взрыв политической идентификации, носивший освободительный характер, направленный против догматизма и политической теологии позднего СССР - сменившийся в

1990е политической апатией, негативизмом в отношении политики, рассмотрением любой публичной активности как идеологической игры («политтехнологии»). Мне представляется, что эта ситуация 1990х, спровоцированная разочарованием, фрустрацией «революционных» субъектов, была своеобразным психоидеологическим продолжением перестройки-революции, которая, оставаясь революцией, носила преимущественно разрушительный - а не футуристско-утопический - характер. Во многом перестройка и то, что за ней последовало, напоминает Французскую революцию конца 18 века - и здесь, и там вновь просвещенная интеллигенция, вооруженная смесью экспертного рационализма и идеалистического утопизма («правовое государство», «общечеловеческие ценности»), повела за собой народ и достигла удивительного единения самых разных общественных групп. Однако после победы революции это единство вскоре распалось, и на первый план вышло социальное противостояние внутри самого третьего сословия. Уже в 1794 г. победил Термидор, отбросивший революционный идеализм во имя классовой и эгоистической диктатуры зажиточной буржуазии.

Мне, однако, известна и Ваша позиция, которая рассматривает перестройку как завершение исторического цикла, начатого в 1917м (а 1917 восходит, в свою очередь, к 1789-му): поражение левого проекта и пораженческое принятие старой, либеральной модели общества и идеологии. И действительно, мы знаем, что эти события совпали с консервативной волной на самом Западе (Тэтчер, Рейган, Папа Иоанн Павел II) и были использованы этой волной для разгрома левых сил и идей, для завоевания гегемонии либерал-консерватизмом в духе Фукуямы или Хантингтона. Но этот «макрровзгляд» не учитывает, повторяю, внутреннего, субъективного значения перестройки и революций в Восточной Европе - для «реставрации» они слишком явно носили эмансипаторный характер, сопровождалась массовым утопическим энтузиазмом - пусть скоротечным. Да и привели они, в самой России, к становлению хаотичного, анархического общества 1990х - «реставрацией для себя» они стали уже только при Путине, причем это была реставрация в том числе и по отношению к перестройке как революции, а не только по отношению к мировому социалистическому движению. Вот тогда (теперь) строй стал открыто консервативным и реставрационным по риторике. Но на протяжении предшествующих 15 лет было не так.

Не могли бы Вы пояснить и уточнить Вашу позицию по этому вопросу, как она представляется сейчас, через более 10 лет после выхода «Реставрации в России»? Как соотносятся революционные и реставрационные элементы в истории перестройки и 1990х годов?

Борис Кагарлицкий: Начнем с того, что объективный смысл процесса всё же важнее, чем субъективные переживания участников. Если даже массы искренне обманываются в своей роле и в смысле своих действий, то они всё же обманываются. Но с другой стороны, интересно, почему мы имеем именно такие иллюзии у масс. Известные рассуждения о «манипуляции» ничего не объясняют, а лишь позволяют спрятаться от обсуждения вопроса. Однако принципиально важно то, что массовый обман или самообман в любом случае не несет в себе ничего эмансипаторного. Как раз наоборот. Это прямая противоположность эмансипации. И если мы видим здесь переход от одной схемы контроля (внешнего основанного на принуждении) к другой (внутреннего, основанного на манипуляции), то это значит, мы переходим от плохого к худшему. «Видимость» внешней свободы дается за счет эффективного подавления свободы внутренней. Говорить об этом как о явлении неизбежно присущем буржуазной демократии неверно. На определенных этапах своего развития буржуазная демократия предполагала как раз сознательное (пусть и ограниченное) участие масс. Она основана на сознательном классовом компромиссе, а здесь как раз мы классовой политики и сознательной игры с двух сторон не видим.

Однако почему всё же массы обманывались? Или давали себя обмануть. Что, в конечном счете, не так уж важно (мы обсуждаем не нравственную ответственность

Boris Kagarlitsky and Artemy Magun The Lessons of Perestroika

Artemy Magun: I think it is important that you and I talk about perestroika. First, because you were an active participant in perestroika and, from the viewpoint of our group, you are one of the few activists who have remained faithful to its emancipatory content. Second, because you and I both basically subscribe to the same assessment of the current conjuncture in Russia, although we part ways when it comes to perestroika. I have argued that it was a kind of revolution; while in your groundbreaking book you call it a restoration.

Twenty years separate us from the events of perestroika. That is a fairly long time historically: it is the same amount of time as separated perestroika itself from the end of the Thaw, in the Soviet Union, and the events of 1968, in Western Europe. However, the specificity of these serious historical events rests in the fact that they don't contain their own meaning. Rather, this meaning is determined gradually and post factum, depending on how history unfolds after the events. Thus, as it fades gradually into the historical past, perestroika appears different today than it did twenty years ago. Its destructive, catastrophic import (something that only hardcore retrogrades insisted on during perestroika itself) has become obvious, as well as the fact that, although they actively helped Russia in the nineties, the western powers had an egoistic stake in weakening the country and returning it to the international "semi-periphery." In their assessment of perestroika, your own works vigorously employ the broader historical context—both the internal history of the October Revolution, which perestroika consummated, and the history of Russia as a "peripheral empire" whose historical legacy was continued by the Soviet Union in its later phase.

Nevertheless, a wholly outside viewpoint on an event would also be incorrect: an event manages to inscribe for the ages its own eventuality and the subjectivity associated with the event. The subject subsequently undergoes a number of alterations, but it remains the same subject. In our case—post-Soviet Russia—this subject is the post-Soviet citizen of the Russian Federation, who has rejected faithfulness to Soviet communism and whose expectations of western prosperity have been disappointed. Perestroika effected a subjectivization that briefly activated and mobilized the subject politically, but subsequently left it with both a taste for freedom and contempt for ideology, a sense of cynicism and alienation from other people. Subjectivity is a significant factor in politics: it is a complement to all socioeconomic transformations. In particular, a socialist or communist society can be built only on the revolutionary subjectivity of the masses, on their will to self-government.

I will briefly reprise my thesis about perestroika's revolutionary nature, which I developed in detail in my recently published book ("Negative Revolution: Towards a Deconstruction of the Political Subject"). All the evidence points to the fact that perestroika and the after-effects it generated in the nineties were revolutionary. As the result of a serious democratic mobilization (albeit launched by the elites) and the opposition's taking power, an existing state was abolished and destroyed. More important, a socioeconomic structure was destroyed and radically altered. This did not happen overnight, of course, but it was nevertheless irreversible. The socioeconomic relations between people changed: they became each other's competitors, and many people entered into relations of mutual exploitation. The state ceased to perform its function as a paternalistic redistributor of wealth, and material inequality grew. Simultaneously, as is the case during revolutionary periods, the level of social mobility sharply increased: some people had dizzying career success and made fortunes. There was not even the hint of ideological consensus, and so diametrically opposed ideas and opinions clashed in the mass media. The predominant style of political commentary was cynical, ironic, and hypercritical towards the authorities, and so society was much more "open" than in the western "democracies." But no less—perhaps, even more—important was what happened on the subjective level: the implosion of political identification. At first it was emancipatory in character: it was directed against the dogmatism and political theology of late socialism. In the nineties, this gave way to political apathy, a negative attitude to politics, and the view that all public activity was a political con game ("political technologies"). It seems to me that the situation of the nineties—which was provoked by the disenchantment and frustration of "revolutionary" subjects—was a peculiar psycho-ideological sequel to the perestroika revolution. While remaining a revolution as such, it was primarily destructive in nature, not futuristic and utopian.

Perestroika and its aftermath are in many ways reminiscent of the French Revolution. In both cases, a newly enlightened intelligentsia, armed with a mixture of the rationalism of experts and idealistic utopianism ("the rule of law" and "universal human values"), got the people behind it and achieved an amazing unity amongst the most various social groups. After the victory of the revolution, however, this unity quickly collapsed, and social confrontation with the Third Estate itself emerged into the foreground. The Thermidor had already triumphed by 1794: it rejected revolutionary idealism in favor of the classist, egoistic dictatorship of the haute bourgeoisie.

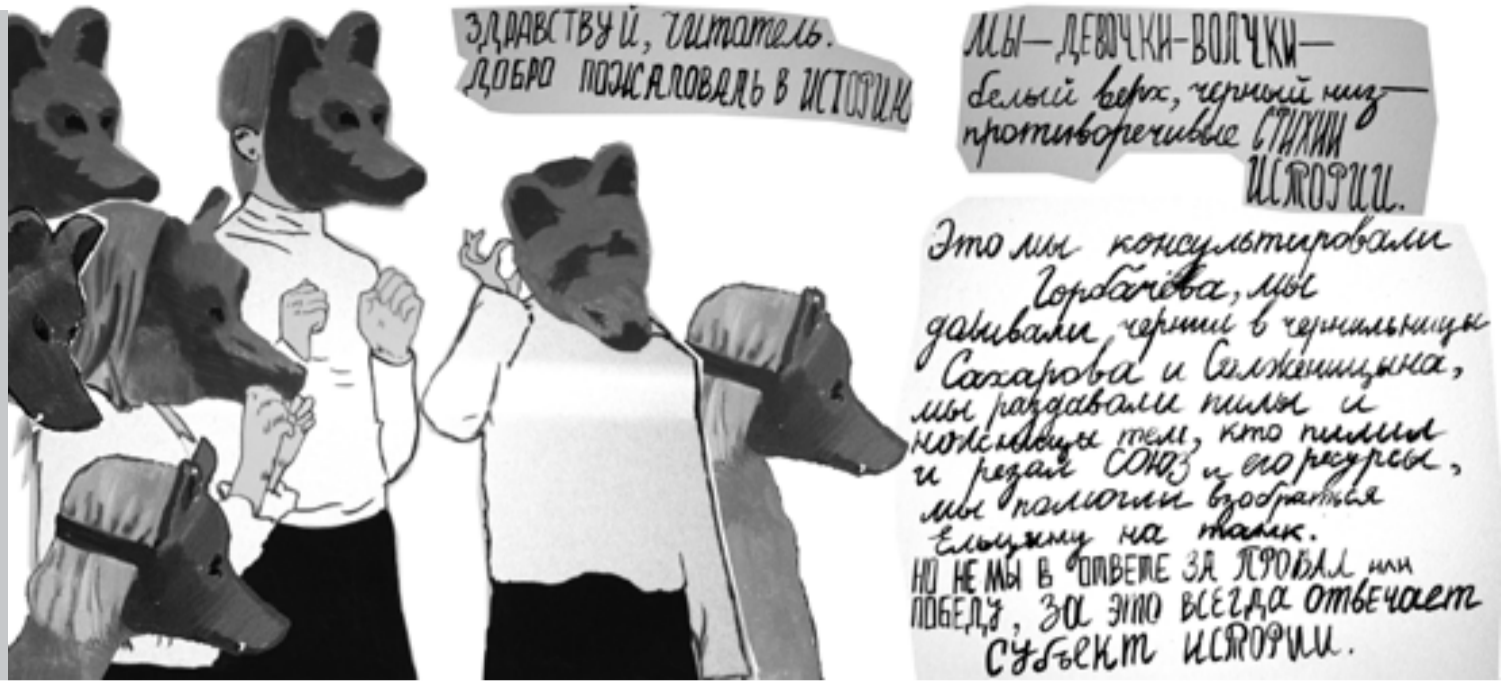
I am, however, also aware of your position. You view perestroika as the culmination of a historical cycle that began in 1917 (which in turn traces its origins to 1789). Perestroika marks the defeat of the leftist project and the defeatist adoption of the old, liberal model of society and ideology. It really is the case that these events coincided with a wave of conservatism in the west itself (Thatcher, Reagan, Pope John Paul II). This wave used these events to crush leftist forces and ideas, and to establish the hegemony of liberal conservatism à la Fukuyama and Huntington. But this "macroview" doesn't take into account (I repeat) the internal, subjective significance of perestroika and the revolutions in Eastern Europe. They clearly were much too emancipatory to be termed a "restoration": they were accompanied by popular utopian enthusiasm, albeit short-lived. And in Russia itself they brought about the emergence of the chaotic, anarchic society of the nineties. They became a "restoration-for-itself" only under Putin. Moreover, this was also a restoration vis-à-vis perestroika *qua* revolution, and not only vis-à-vis the international socialist movement. It was only then (that is, now) that the regime became openly conservative and restorationist in its rhetoric. During the previous fifteen years, however, this had not been the case.

Could you explain and elaborate your take on this issue as you see it now, more than ten years after the publication of *Restoration in Russia*? How do the revolutionary and restorationist elements in the history of perestroika and the nineties relate to each other?

Boris Kagarlitsky: Let's begin with the fact that the objective meaning of a process is nonetheless more important than the subjective experiences of its participants. Even if the masses are sincerely deceived about their own role and the meaning of their own actions, we can still say that they are deceived. On the other hand, however, it is worth asking why the masses have such illusions. All the usual talk about "manipulation" doesn't explain anything: it merely enables us to avoid discussing the problem. However, it is fundamentally important that mass deception or self-deception doesn't have anything to do with emancipation however you look at it. In fact, the reverse is the case: this is the direct opposite of emancipation. If we see here a transition from one scheme of control (external, based on coercion) to another scheme (internal, based on manipulation), then that means we have gone from bad to worse. The "appearance" of outward freedom is achieved through the effective suppression of inner freedom. It would be inaccurate to speak of this as a phenomenon that is inevitably inherent in bourgeois democracy. At certain stages in its development, bourgeois democracy presumed precisely the conscious (albeit limited) participation of the masses. It is based on a conscious class compromise, but in our case whichever end we come at it we don't see class politics and a conscious playing with this politics.

Why, however, were the masses deceived? Or why did they let themselves be deceived? In the final analysis, it is not that important which of these happened. (We're discussing the motivations of the deceived, not the moral responsibility of the ones who did the

Hello, reader. Welcome to history. We're the Wolf-Girls—white on top, black on the bottom, we are history's elemental spirit of contradiction. We are the ones who advised Gorbachev. We filled the inkpots of Sakharov and Solzhenitsyn. We handed out shovels and knives to the folks who stabbed the Soviet Union to death and scooped up its resources. We helped Yeltsin climb atop that tank. But we're not to blame for defeat or victory: the Subject of History is always responsible for that. So first you find him, and then all the questions go to him.

deceiving.) I have already written that the events of 1989–92 were an *inevitable reaction*. This process was objectively reactionary, but at the same time it was historically necessary, including from the viewpoint of future progress. There is only way out of a dead end—backwards. This reverse motion is absolutely necessary if you want to move forwards. But it is still a movement backwards—a regression, a reaction.

Soviet society was in a historical dead end from which there was no progressive way out. I am not talking about theoretical models, which we can draft—in the guise of beautiful utopias—at every given moment (we ourselves enthusiastically drafted such models back then), but about practical political decisions that are underwritten by popular support, resources, and objective “external” conditions.

The only such possibility was a restoration of capitalism. Moreover, this had to be a restoration in synch with the general world trend of the global reaction—i.e., neoliberalism, the liquidation of the gains made by the workers movement in the west, the collapse and rebirth of the national liberation movements of the so-called third world, and the total moral capitulation of social democracy. Perestroika was an organic and extremely vital component of this process. It gave the process a new impulse and ensured the triumph of capital on a previously unprecedented scale. Moreover, this triumph of capital took place in an age when the progressive role of the bourgeoisie had been completely exhausted. During the Victorian Age, the civilizing mission was (like it or not) a reality. Marx, who wasn’t infected by the virus of political correctness, took a sober view of this. There is no such civilizing mission nowadays.

The view held by you and Alexander Shubin (as argued in his book “Democracy Betrayed”) is that the perestroika movement contained a revolutionary potential that was subsequently crushed by the old and new elites. But the objective historical conjuncture and the sociocultural balance of forces in Russia made this result inevitable from the outset. We might not have understood this in 1988–89. I understood it only in 1990. This, however, doesn’t change the state of affairs. The only thing that changes is our assessment of our own role.

It was then that I also came to understand the tragic nature of Marxist political struggle under the given circumstances. We couldn’t oppose a process that was objectively necessary (including for the future success of our own cause), but neither could we support it, because it was objectively reactionary: it led to catastrophic short-term consequences for the majority of the people. All that remained for us was to fight on two fronts and to explain the political and social significance of what was happening in conditions where the level of control (which had been relaxed in 1988–89) once again began to rise precipitously. In 1990–94, control of the mass media was incomparably greater than it is today. The liberals strictly filtered every word that was pronounced on air. We couldn’t even dream of getting coverage in the serious mass media. In this sense, the Putin regime is much more liberal than the Yeltsin regime. What typically happens in revolutions is that the elites launch a process which they then lose control over. New forces emerge, and they seize the initiative with the support of the masses. It is telling that Shubin complains precisely about the seizure of the initiative by the elites vis-à-vis the masses. In other words, something happened that doesn’t happen during a revolution, something quite the opposite. Imagine that something of the sort had happened in eighteenth-century France or in England. Instead of Cromwell and Robespierre, we would have had a change of dynasties, followed by an attempt to restore the feudal orders destroyed by absolutism. Would we call this (despite the participation of the masses during the early stage) a revolution? Of course not. It wouldn’t occur to anyone to call this a revolution. The movement backwards overdetermined the confusion that was typical of the late eighties and early nineties—right-wingers were called leftists, and vice versa. But the significance of what happened is fairly simple. Liberals fought to secure the reactionary, reverse movement (the “return to the mainstream of history”), and we fought to make it possible to turn around and move forward again as early as we could, at the first opportunity. By the way, notice how the word “return” also implies moving backwards! This struggle continues to this day, only the situation has changed. The balance of forces is different.

Of course, each person finds his own place in this confrontation. By supporting the liberals in their reactionary mission, the intelligentsia adopted an ideologically anti-democratic stance and signed its own death sentence: it rejected the tradition of the Narodniks (Populists) and ceased being an intelligentsia.

AM: I think that in your “Althusserian” reading of perestroika there is an element of the dismissiveness of the expert. You oppose the spontaneous political struggle of people who find themselves in an open-ended, unpredictable situation to a linear vision of history (“the way forwards,” “the way backwards”), and this vision comes with a hefty portion of historical determinism. What I find lacking here is a sense of history’s openness and the task of creating free institutions on the socioeconomic base that exists at the given moment.

BK: On the contrary, I argue that leftists should have fought the capitalist restoration while being aware (or unaware) that this struggle was doomed from the outset. As a participant in the event, this is exactly how I acted myself. By 1991 it had become clear to me that the resistance was doomed. (Although there were moments when it seemed that we had a chance.) On the other hand, the struggle is fought not for victory today, but for victory tomorrow. That is normal. We’re often forced to take on a fight knowing beforehand that we cannot win it.

Boris Kagarlitsky (b. 1958) sociologist, journalist, Director of the Institute of Globalization Studies (IPROG), lives in Moscow
Artiom Magun (b. 1974), philosopher, lives in Petersburg, member of workgroup “Chto Delat?”

обманщиков, а мотивацию обманутых). Я уже писал о произошедшем в 1989-92 годах как о НЕОБХОДИМОЙ РЕАКЦИИ. Этот процесс был объективно реакционен, но в то же время исторически необходим. В том числе – с точки зрения дальнейшего прогресса. Из тупика есть только один путь – назад. И это движение назад абсолютно необходимо, если вы хотите продолжать двигаться вперед. Но всё равно это движение назад. Регресс. Реакция. Советское общество было в историческом тупике, из которого не было прогрессивного выхода. Я не говорю о теоретических моделях, которые можно – в виде красивой утопии – в каждый данный момент нарисовать (мы сами тогда их увлеченно рисовали), а о практических политических решениях, обеспеченных массовой поддержкой, ресурсами и объективными «внешними» условиями. Такой возможностью была только реставрация капитализма, причем включенная в общую мировую тенденцию глобальной реакции – неолиберализм, ликвидация завоеваний рабочего движения Запада, крушение и перерождение национально-освободительных движений «Третьего мира», окончательная моральная капитуляция социал-демократии. «Перестройка» была органической и крайне важной частью этого процесса. Она придала ему новый импульс и обеспечила триумф капитала в беспрецедентных доселе масштабах. Причем триумф капитала имел место в эпоху, когда прогрессивная роль буржуазии полностью исчерпана. Во времена королевы Виктории цивилизаторская миссия была (like it or not) реальностью. Это тревожно понимал Маркс, не зараженный ещё вирусом политкорректности. Сегодня нет никакой цивилизаторской миссии.

С Вашей точки зрения и с точки зрения Александра Шубина (в книге «Переданная демократия»), перестроечное движение имело в себе революционный потенциал, который был потом подавлен старыми и новыми элитами. Но объективная историческая ситуация и социально-культурный расклад России сделали такой результат изначально неизбежным. Мы могли этого в 1988-89 годах не понимать. Я это понял лишь в 1990-м году. Однако от этого положение дел не меняется. А меняется лишь наша оценка собственной роли. Тогда я и осознал трагизм марксистской политической борьбы в сложившихся обстоятельствах. Мы не могли выступать против процесса, который был объективно необходим (в том числе и для будущих успехов нашего собственного дела), но не могли и поддерживать его, поскольку он был объективно реакционен, вел к катастрофическим краткосрочным последствиям для большинства народа. Нам оставалось воевать на два фронта и разъяснять политический и социальный смысл происходящего в условиях, когда уровень контроля, ослабшего в 1988-89, начал снова стремительно усиливаться. Контроль над СМИ в 1990-94 годах был несравненно выше, чем сейчас. Либералы жестко контролировали каждое слово, звучавшее в эфире. Мы не могли даже мечтать о том, чтобы быть допущенными к серьезным СМИ. Путинский режим в этом отношении несравненно либеральнее ельцинского.

Для революций типична ситуация, когда элиты начинают процесс, но потом теряют контроль над ним. Появляются новые силы, которые, опираясь на массы, перехватывают инициативу. Показательно, что Шубин жалуется как раз на перехват инициативы элитами – по отношению к массам. Иными словами, произошло не то, что случается во время революции, а нечто противоположное. Представьте себе, если такое произошло во Франции в XVIII веке или в Англии. Вместо

Кромвеля и Робеспьера мы бы получили смену династии, за которой последовала бы попытка восстановления феодальных порядков, разрушенных абсолютизмом. Называли бы мы это (несмотря на участие масс на ранней стадии) революцией? Нет, конечно. Никому и в голову не придет называть это революцией. Движение назад предопределило типичную для поздних 80-х и ранних 90-х путаницу. Правых называли левыми и наоборот. Но смысл происходящего достаточно прост. Либералы боролись за то, чтобы закрепить реакционное, попятное движение («возвращение на магистральный путь истории»), а мы за то, чтобы как можно раньше, при первой возможности развернуться и снова пойти вперед. Кстати, заметьте, слово «возвращение» тоже предполагает движение назад! Эта борьба продолжается по сей день, только ситуация изменилась. Соотношение сил иное.

Разумеется, каждый находит свое место в этом противостоянии. Интеллигенция, поддерживавшая либералов в их реакционной миссии, стала на идею антинародные позиции и подписала себе смертный приговор: она отказалась от народнической традиции, перестав быть интеллигенцией.

А.М.: Мне кажется, что и в Вашем «альтоссеррианском» видении перестройки есть момент экспертной отстраненности. Вы противопоставляете непосредственной политической борьбе людей, в открытой и непредсказуемой ситуации, некое линейное видение истории («путь вперед», «путь назад»), причем с изрядной долей исторического детерминизма. Мне не хватает здесь чувства открытости истории и задачи создания свободных институтов на той социально-экономической базе, которая есть на данный момент...

Б.К.: Напротив, я как раз говорю, что левые должны были бороться против капиталистической реставрации, сознавая (или не сознавая) заведомую обреченность этой борьбы. Собственно, в качестве участника события я так и поступал. Обреченность сопротивления была для меня ясна уже в 1991 году (хотя бывали моменты, когда казалось, что есть шанс). С другой стороны, борьба ведется не за сегодняшнюю победу, а за завтрашнюю. Это нормально. Очень часто приходится принимать битву, даже заранее зная, что её нельзя выиграть.

полную версию диалога смотрите на сайте “что делать?”

Борис Кагарлицкий (р.1958) - социолог, журналист, Директор Института проблем глобализации, живет в Москве
Артем Магун (род. 1974) философ, живет в Петербурге, член рабочей группы “Что делать?”

Perpetuum Mobile | A Vehicle from Plan A to Plan B, where Plan B is said to not Exist

Time is like a river that flows endlessly through the universe, and you could never step into the same river twice... (Heraclitus (attributed))

As a network vehicle, Perpetuum Mobile (www.perpetuummobile.org) brings together multiple fields of art, practice and enquiry that exist in disparate institutional frames and territories – acting as a conduit and engine for new forms of knowledge, organisation and imagination. Less than a year ago, Perpetuum Mobile didn't exist. Perhaps, as its counterpart in science, its ideal never will. As a real-world vehicle, however, it has been set in motion.

Among its driving ideas, is the ambition to re-think certain basic historical, institutional as well as theoretical paradigms which have been in one way or another compromised, falsely delimited or obfuscated at the present historical juncture. One way to bring something genuinely new into existence, is finding ways in which to re-write the rules of the game. It is best to proceed by way of example.

The first experiment in bringing art and enquiry into a new relationship was made via the so-called Aleksanteri Cultural Fora (http://www.helsinki.fi/aleksanteri/conference2007/cultural_fora.htm). Initiated to run in parallel to the 7th Annual Conference of the Aleksanteri Institute "Revisiting Perestroika – Processes and Alternatives" (University of Helsinki) this project came to encompass a plethora of events concerning Perestroika and its relevance. Aside from the large-scale conference itself this included, a multi-part exhibition (with a catalogue, a performance and discussion panel) at the Museum of Contemporary Art, Kiasma; a historical exhibition of printed ephemera from the perestroika era at the Finnish National Library; an independent series of films at the National Film Archives (SEA); and a dedicated 8th issue of Framework – The Finnish Art Review, commissioned under the title "Paths Not Taken" (http://www.helsinki.fi/aleksanteri/conference2007/cultural_fora.htm). Quoting from the CfP, the core questions of the conference were:

Revolutions and Processes - Was the collapse of the Soviet bloc a result of a series of contingencies, or deliberate political decisions? Was economic collapse avoidable, and if so, for how long? Was the restoration of capitalism inevitable, or were there alternative paths of development? What role did ideas and cultural movements play in perestroika, its pre-history and aftermath? **Actors and Institutions** - Which groups or traditions emerged, which survived and which were neglected or "written out of history" during the perestroika era? Did practices and customs genuinely see a transformation in all fields of life – from the Kremlin to the kitchen table? How was the role of women transformed? Did "parallel" and "underground" cultures cease to exist? **Generations, Retrospectives and Perspectives** - How did different age groups evaluate the changes, and how did people of different "mindsets" see each other? How do contemporary social formations assess the perestroika era and how does this inflect the future?

Perpetuum Mobile's co-founders Ivor Stodolsky (central conference organiser / philosopher in the field) and Marita Muukkonen (opening up the field of arts) integrated the partners of the Cultural Fora to shape a coherent whole – with over 300 scholars, political figures, artists and their guests in attendance at the combined conference reception and opening of the Kiasma exhibition "The Raw, The Cooked and The Packaged – The Archive of Perestroika Art".

The Raw, The Cooked and The Packaged exhibition, as a conceptual work, excavates the choices and power mechanisms involved in "making history" by manifesting this process as lived (the "life room" installation); mediatized, interpreted and made scientific (media and archival categorization in the "afterlife" room); and reflexively re-absorbed into society (socio-cognitive maps, the Newspaper-Catalogue). This is all connected through a process of memory-construction made physical: the audience opens and closes archival drawers and closets of documents, clothes, smells, music, negatives, letters – many which were accumulated outside of hitherto "approved" history – producing a physical experience of separating the massive "archive of archives" into categories κατηγορία: "accusation", "assertion", "predication". The central curatorial endeavour here is not to (re)write the canon, but to investigate its production.

As the history of this crucial era is written and re-written in today's troubled political climate, as always, the "books are cooked" to suit the moment. As Perpetuum Mobile's first mobilisation to re-think the relations of representation, politics and thought, the Cultural Fora invited the public to engage. To engage with the Raw materials of the perestroika period, to physically enact the process of writing history itself – to formulate our understanding of the past to produce the Cooked – and finally to see the "make up" of its image in the Packaged. It is re-enacting this process of production, and in this case, revealing the homologies between pre- and non-/post-Perestroika structures, that lays free ways for new Paths Not Taken.

The time has come to remember perestroika. By remembering and rethinking history, we can reach conclusions that will help us today and suggest how we should act tomorrow.

Perpetuum Mobile | Транспорт из точки А в точку Б, где точка Б, по слухам, не существует

Время как река, которая бесконечно течет через вселенную, и ты никогда не вступишь в одну реку дважды (приписывается Гераклиту).

Как сетевое транспортное средство, Perpetuum Mobile (www.perpetuummobile.org) соединяет различные сферы искусства, практики и исследований, существующие в разрозненных институциональных рамках и территориях - оно действует как проводник и мотор для новых форм знания, организации и воображения. Менее чем год назад, Perpetuum Mobile еще не существовало. Возможно, как и физический вечный двигатель, его идеал никогда и не будет существовать. Но как реальный вид транспорта, он уже приведен в движение. Среди его движущих идей - стремление переосмыслить основные исторические, институциональные и теоретические парадигмы, которые были в той или иной мере скомпрометированы, ложно ограничены или скрыты в настоящая момент истории. Один из способов заставить нечто существовать - это найти способ переписать правила игры. Лучше всего привести пример.

Первый эксперимент нового соотношения искусства и исследования был проведен в рамках так называемых Aleksanteri Cultural Fora. Этот проект, запланированный как параллель 7й ежегодной конференции института Aleksanteri: "Возвращаясь к перестройке - процессы и альтернативы" (Университет Хельсинки), этот проект стал местом координации набора событий, касающихся Перестройки и ее актуальности сегодня. Помимо масштабной конференции, этот проект включал в себя выставку, состоящую из нескольких частей в Музее современного искусства (Киазма), историческую выставку печатных документов времени перестройки в Финской Национальной Галерее, независимую серию фильмов в Национальном Архиве Фильма (SEA), и тематический 8 номер журнала Framework, под названием «Нереализованные возможности».

Основными вопросами конференции были следующие:

Революции и процессы - был ли коллапс советского блока результатом серии случайностей, или намеренных политических решений? Можно ли было избежать экономического коллапса, и если да, то на какой период времени? Была ли неизбежна реставрация капитализма, или существовали альтернативные пути развития? Какую роль играли идеи и культурные движения во время перестройки, до и после нее? **Актеры и институции** - Какие группы и традиции возникли во время перестройки, какие из них сохранились, а какие были впоследствии вычеркнуты из истории?

Действительно ли в этот период произошла трансформация всех сфер жизни - от Кремля до кухонного стола? Как изменилась роль женщин? Исчезли ли «параллельные» и «подпольные» культурные течения? **Поколения, ретроспективы и перспективы** - Как различные возрастные группы оценивали изменения, и как люди с разными позициями воспринимали друг друга? Как сегодняшние социальные группы оценивают преобразования, и как это воздействует на будущее?

Основатели Perpetuum Mobile's Ивор Стодольский (организатор конференции/ философ) и Марита Муукконен (куратор) объединили партнеров Культурных форумов в единое целое - более чем 300 ученых, политических деятелей, художников и гостей присутствовали на открытии выставки в Киазме: «Сырое, Вареное и упакованное - Архив искусства перестройки».

«Сырое, Вареное и упакованное», в качестве концептуальной работы, исследует механизмы власти, выборы людей, творящие историю - представляя этот процесс как живой (инсталляция «живая комната»), переводя его в современные средства воспроизводства, интерпретируя его и делая достоянием науки (категоризация медиа и архивов в комнате «после жизни»), наконец, рефлексивно реабсорбируя его в общество (социо-когнитивные карты, газета-каталог). Все это соединяется при помощи воплощенной памяти: аудитория открывает и закрывает архивные ящики и шкафы с документами, одеждой, запахами, музыкой, негативами, письмами – многие из которых накапливались вне «одобренной» истории, производя физический опыт отделения массивного «архива архивов» по категориям «обвинение», «утверждение», «заявление» Основной задачей кураторов было не переписывать канон, а исследовать его производство.

Поскольку история этой ключевой эпохи пишется и переписывается сегодня в беспокойном политическом климате, как всегда, книги адаптируются к историческому моменту. Занять активную позицию в отношении «сырых» материалов периода перестройки, физически воспроизвести процесс написания истории - сформулировать наше понимание прошлого и создать «вареное» - и, наконец, увидеть образование образа в отделе «упакованного». Именно воспроизводство процесса производства и, в этом случае, раскрытие аналогий между предперестроечными, перестроечными, неперестроечными и постперестроечными структурами открывает новые пути для новых нереализованных возможностей.

перевод Артем Магун

Настало время вспомнить
о ПЕРЕСТРОЙКЕ.
ВСПОМИНАЯ, ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ
ИСТОРИЮ мы можем
сделать выводы,
которые помогут
нам сегодня и
позже,
как действовать
ЗАВТРА!

Дмитрий Виленский | What's next after next?

Комментарий к фильму-дискуссии

Движение "Next Stop Soviet" – это датская инициатива, которая организовала впервые в истории СССР визит тысяч молодых Скандинавов в Советский Союз в 1988. Идея состояла в том, чтобы сломать изоляцию СССР путем установления прямых человеческих контактов и свободного культурного обмена. В результате около 5000 датчан приехали в СССР и сотрудничали с советской молодежью в рамках реализации более чем 100 различных проектов. Датчане жили непосредственно дома у людей, с кем они проводили совместную работу.

Ungdomshuset ("Дом Молодежи) это популярное имя здания формально называющегося Folkets Hus ("Народный Дом) расположенный на Jagtvej 69 в Копенгагене, который стал с известнейшим местом встреч андеграундных музыкантов и политических активистов с 1982 до 2007, когда здание было разрушено. Подробности на сайте http://en.wikipedia.org/wiki/Underground_scene

Какую задачу ставит этот фильм? Это хороший – правильный вопрос. В кино уже давно встала задача, как снимать политический семинар. Она решается поразному: знаменитая сцена в Забриски Пойнт, Антониони или же сцены докладов в Китайке Годара задали определенный подход к съемкам таких сцен.

Очевидно, что при монтаже дискуссии речь участников всегда подвергается режиссерскому искажению. Ведь, в конце концов, то что мы видим это позиция автора, размечающего, что ему кажется существенным и что должно остаться за кадром. Дискуссия на экране – это то, что мы прежде всего, видим. Звук здесь играет подчиненное положение по отношению к выражению лиц, к позам и композициям тел говорящих.

Идея фильма была в том, чтобы свести за одним столом два поколения датских активистов – всеми забытого и легендарного Next Stop Soviet и молодых художников участников моего семинара «Искусство и История» в Копенгагской академии искусств, большая часть которых принимало активное участие в жизни Дома Молодежи в Копенгагене.

Дискуссия проходила в специально созданной среде передвижных ширм, на которых были размещены иконические образы, связанные со временем перестройки и образы, символизирующие борьбу Молодежного Дома.

Почему мне показалось важным сделать смысловое столкновение этих двух эпох? Тут много личного – но объективно говоря это два крупнейших случая молодежной интернациональной мобилизации, инициированной датчанами. То есть речь шла о необходимости обмена политическим опытом, приобретенным в такие разные эпохи.

Я думаю, что исхожу из двух параллельных предпосылок. Во первых это мой личный опыт участия в перестройке, который во многом сформировал меня политически, в том числе опыт моего участия в Next Stop Soviet. Во вторых, наблюдения за современной ситуацией в России, где к 2006 году композиция протестных сил стала во многом напоминать ситуацию ранней перестройки. То есть возникло ощущение движения времени вспять. Если в перестройку советское общество шло путем наращивания гражданских свобод, то сегодня ситуация развивается в обратную сторону. Репрессии против любых форм оппозиции вернули общество как-бы в начало перестройки, когда некоторые вещи стали возможными, но в тоже время репрессивная машина еще полностью контролировала ситуацию. Однако разница очевидна. Перестройка происходила в тот редкий момент истории, когда верх уже не хотели по старому, а низы не могли сформулировать свое общее видение лучшего общества. Именно эта парадоксальная ситуация и привела к коллапсу социума, который снова возродился в формах однопартийного авторитаризма. То есть пришло время вспомнить о драматическом опыте перестройки.

Случай с Молодежным Домом несколько другой. Он происходил в другую эпоху, но эта эпоха имеет также некоторое сходства с эпохой перестройки. Я говорю, прежде всего, о ситуации, когда любые интересы, выходящие за рамки экономизации жизни оказываются принесенными в жертву

прибыли и мнимой безопасности.

В Копенгагене драматическая защита, разрушение дома в 2006 году и последовавшие затем крупнейшие за всю историю уличные столкновения с полицией, многочисленные анти-законные аресты участников и попытки обрести новый дом, мобилизовавшие множество молодежи в Дании и Европе – все это стало символом продолжения борьбы за другой мир, отстаивания права людей не подчиняться тотальному контролю биополитической власти. Но у этой мобилизации оказалось множество слабых мест. На мой взгляд, она не смогла выйти за узкие рамки политики идентичностей и найти возможность обратиться ко всему обществу или же ко всем угнетенным группам. Я надеялся, что как раз привлечение внимания к истории политических движений поможет осознать проблемы сегодняшнего дня.

Как прошла дискуссия? По-моему она не получилась. Наверное, это была моя вина, что студенты оказались пассивными, может быть, я как модератор не смог вызвать резонанса своими вопросами и слишком доминировал в дискуссии, может быть что-то еще. Плюс может быть ситуация производства фильма начала вмешиваться в дискуссию и камеры подрывали непосредственность обмена мнениями. Хотя я надеялся, что камеры создадут некую дисциплину высказываний, в хорошем смысле...

Тогда зачем показывать эту работу? Мне кажется, что работа может стать катализатором дальнейшей дискуссии. Какие-то вещи были обозначены. Кроме того, меня как художника интересовал формальный эксперимент – как конструировать пространство дискуссии, выстраивать визуальную ситуацию меняющегося символического ландшафта. Я думаю, что задача художника скорее маркировать ситуацию дискуссии, чем репрезентировать саму дискуссию. Мы получили опыт общения – думаю, что он визуально не выразим, и стоит честно признать это.

Можно ли было сделать это иначе? Думаю, что да. Стоило попытаться сделать фильм коллективно, хотя такие попытки неизменно проваливаются. Как альтернатива я думаю, что в идеале каждый из участников должен был бы сделать свой фильм. Как ни странно Next Stop Soviet и был озабочен созданием такой полифонической документации – когда разнообразие работы большинства групп и сам процесс взаимодействия и погружения в советскую реальность был зафиксирован в фильмах. Но драма Next Stop Soviet в том, что как только они были закончены, они стали тут же никому не нужны. И для меня вопрос – а что произойдет с архивами Дома молодежи? Почему мы столь много говорим о знании, накопленном движениями и, в тоже время это знание оказывается все время недоступным, вытесненным из коллективной памяти.

Что мы способны вынести из истории? Мне было важно сравнить две эпохи. Понять логику мобилизации. Понять, что значит терпеть поражение. Позже в дискуссии один из участников в запальчивости сказал, что мы потеряли все. И молчание повисло в зале. Меня удивило равнодушие датчан к истории – то есть символы революционного прошлого – объявление праздника Интернациональной солидарности Женщин 8-ого Марта, которое произошло в Доме Молодежи, визит Ленина, казалось почти не играют никакой роли – очевидно прерывание исторического опыта и мне кажется, что это ослабляет движения. Левое сознание всегда драматично. Оно строится на анализе опыта жестоких и часто кровавых поражений. То есть мы учимся на опыте потери. Даже казалось бы самые яркие моменты истории – Парижская Коммуна, 1917, 1991, и такие частные эпизоды борьбы как Next Stop Soviet или же Дом Молодежи – это в тоже время и поражения, но опыт этих поражений, если человечество способно продолжать его осмыслять, оказывается важнее, бессмысленности эпохи побед капитала. Именно в них мы можем по настоящему поставить под вопрос самих себя и общество вокруг нас. Каждое осмысленное поражение превращается в чистую потенциальность, которая работает над созданием момента нового исторического прорыва. Только так делается история. И вопрос в сущности остается один – это готовность людей ощущать что они творцы своей истории...

Dmitry Vilensky | What's next after next?

commentary to a film/discussion

Next Stop Soviet was a Scandinavian initiative that organized the visits of thousands of young Scandinavians to the Soviet Union in 1988. The idea was to continue breaking the isolation of the USSR through manifold human and cultural exchanges. The outcome was that five thousand Danes went to the USSR through more than one hundred different projects. The Danes lived in private homes with young people with the same interests or occupations as their guests.

Ungdomshuset ("Youth House") was the popular name of the building formally named Folkets Hus ("House of the People"), located on Jagtvej 69 in Copenhagen. It functioned as an underground scene venue for music and a meeting point for various leftist groups from 1982 until 2007, when it was torn down. Due to the ongoing conflict between the municipal government of Copenhagen and the activists occupying the premises, the building has been the subject of intense media attention and public debate since the mid-nineties.

*What is the task of this film? That's a good question, the right question. Cinema has long faced the task of how to film a political seminar. The task has been solved in different ways: the famous discussion scene in Antonioni's *Zabriskie Point* or the lecture scene in Godard's *La Chinoise* established a certain approach to filming such things.*

It is obvious that during editing the words of a discussion's participants are always distorted by the director. For what we see, finally, is the director's take: he marks what he finds essential and what should remain off screen. A filmed discussion is, first and foremost, what we see on screen. Sound here is subordinated to facial expressions, poses, and the way the bodies of the speakers are arranged in the filmed space.

The idea of the film was to gather around table two generations of Danish activists—the legendary but now-forgotten Next Stop Soviet and the young artists who participated in my seminar "Art and History," most of whom also participated actively in the life of the Ungdomshuset. The discussion took place in a specially constructed environment of movable screens on which we had placed iconic images linked to the perestroika era and images symbolizing the struggles of the Ungdomshuset.

Why did I find it important to engineer the semantic collision of these two periods? There were a lot of personal motives. Objectively speaking, however, these are the two major instances of international youth mobilization initiated by Danes. That is, it was necessary to exchange the political experience acquired during such different periods.

I start with two parallel premises. First, there is my personal experience of involvement in perestroika, which to a great extent formed me politically; this experience includes my involvement with Next Stop Soviet. Second, there are my observations of the current conjuncture in Russia. In 2006, the composition of protest forces began to be quite reminiscent of the situation during the early phase of perestroika. That is, I had the sense that time had gone into reverse. Whereas Soviet society moved in the direction of strengthening civil liberties during perestroika, today the situation is evolving in the opposite direction. The suppression of all forms of opposition has as it were sent society back to the beginning of perestroika, when certain things had become possible, but the state's repressive apparatuses still totally controlled the situation. The difference is obvious, however. Perestroika happened at a rare moment in history when the ruling classes didn't want to go on with business as usual, but the grassroots were unable to formulate their own common vision of a better society. It was this paradoxical conjuncture that led to the collapse of society, which was then once again reborn as a single-party authoritarian state. The time had thus come to recall the dramatic experience of perestroika.

The case of the Ungdomshuset is somewhat different. It happened in a different period, but this period bears a certain resemblance to perestroika. I primarily have in mind a situation when any interests that don't fit into the economization of life are sacrificed to profit and imaginary security.

The dramatic defense and demolition of the house in 2006, and the subsequent historical street battles with the police, numerous unlawful arrests of participants, and attempts to find a new house, which mobilized a large number of young people in Denmark and Europe, came to symbolize the continuing struggle for another world, the defense of people's right not to submit to the total control of biopolitical power. But it turned out that this mobilization had a lot of weak points. It proved unable to exit the narrow framework of identity politics and find a way to appeal to the whole society or to all oppressed groups. I hoped that turning the spotlight on the history of political movements would help us get our heads around today's problems.

How did the discussion go? I don't think it gelled. It was probably my fault that the students were passive. Perhaps I as the moderator wasn't able to ask questions that resonated with them, and I dominated the discussion too much. Maybe it was something else. Plus, the fact that we were making a film probably began to intervene in the discussion, and the cameras undermined the unmediated exchange of opinions. Although I had hoped that the cameras would discipline the discussion, in the good sense of the word.

Then what is the point of showing this work? I think that the work could catalyze further discussion. Certain things were revealed. Also, as an artist I was interested in the formal experiment—how to construct the discussion space, to choreograph the visual aspect of a changing symbolic landscape.

The artist's task is to mark out the situation of the discussion rather than represent the discussion itself. We had the experience of contact, of conversation. But this experience is not expressible visually, and that has to be admitted honestly.

Would it have been possible to do things differently? I think so. It was worth trying to do the film collectively, although such attempts invariably fail. As an alternative, each of the participants should ideally have made his own film. Strange as it might seem, Next Stop Soviet was concerned with producing this sort of polyphonic documentation: the variety of the work being done by most of the groups and the very process of interaction and immersion in Soviet reality were recorded in films. But the drama of Next Stop Soviet was such that as soon as these films were finished, they immediately became of no use to anyone. The question for me was, what will happen to the Ungdomshuset's archives? Why is it that we talk so much about the knowledge accumulated by movements when at the same time this knowledge always proves to be inaccessible, displaced from collective memory?

What can we take from history? It was important for me to compare the two periods. To understand the logic of mobilization. To understand what it means to suffer defeat. Later on during the discussion one of the participants said in a fit of anger, "We lost everything." And the room went silent.

I was amazed by the indifference of Danes to history. The symbols of the revolutionary part—the declaration of International Women's Day (March 8), which took place at the Ungdomshuset, Lenin's visit—seemingly have no role at all in the present. The discontinuity of historical experience is obvious, and I think this weakens the movements.

Leftist consciousness is always dramatic. It is built on an analysis of the experience of cruel and often bloody defeats. We learn through the experience of loss. Even history's seemingly most vivid moments—the Paris Commune, 1917, 1991, and such smaller episodes as Next Stop Soviet or the Ungdomshuset—are simultaneously defeats. But if humanity can continue to make sense of them, the experience of these defeats proves to be more important than the senselessness of capital's victories. It is through these defeats that we can genuinely question ourselves and society at large. Each defeat that we have comprehended turns into a pure potentiality that works to create a new historical breakthrough. This is the only way that history is made.

In essence, the only question that remains is this: are people willing to imagine that they make their own history?

"The true picture of the past flits by..." These words by Walter Benjamin have the most direct bearing on the phenomenon of perestroika.

A choir of contemporaries is attempting to construct a comfortable image of perestroika as an irreversible movement toward capitalism. This image serves the needs of the squalid powers that be and thus legitimates the paltry existence of the choristers themselves. To interrupt the flagrantly obscene din raised by these voices, it makes sense to turn to the central question that Benjamin asks in his theses on the concept of history: who is the subject of history? For those who accept the task of continuing the struggle for emancipation, the answer to this question is unambiguous: "the struggling, oppressed class itself." That is, the class-as-multitude that clearly realizes and rejects the existing order of things, which fetters our lives, dreams, and the dignity and strength of constituent labor. That is, all those who still remember the pride of belonging to the human struggle for freedom.

If we make our peace with the history of the victors, this will be a betrayal of the perestroika experience. But if we are willing and ready to inherit the Soviet project, we need to rethink it as a history of the oppressed, as a battle for the actualization of all the genuine "Sovietness" that was repressed in the history of the USSR as a party-state. Without this paradoxical gesture, we stand little chance of drawing anything positive from the terrible experience of revolution defeated and popular power betrayed in the aftermaths of 1917 and 1991. In fact, for us, the Event of perestroika gave us our first "revolutionary chance in the fight for the oppressed (Soviet) past," and not for a comfortable bourgeois future. This past was foolishly squandered. It was obliterated by a party-state that proved capable of poisoning everything around it even as it lay dying, rising from the ashes under the control of former KGB officers, party apparatchiks, and young sycophants from the Komsomol, who all quickly found a common language with the capitalists of the world. In the final analysis, our fidelity can be articulated in one compact political slogan. Its appearance heralded the dawn of Soviet history. Paradoxically, it also signaled its closure in those clear, sunny days of late autumn when the death agony of the temporary perestroika soviets reached its tragic culmination. This slogan is: "ALL POWER TO THE SOVIETS!"

That is, in order to begin to talk about perestroika, we need once again "to brush history against the grain." (DV)

«Подлинный опыт прошлого проскальзывает мимо...»

Эти слова, сказанные Беньямином, имеют самое прямое отношение к феномену перестройки.

Хор современников, стремится выстроить комфортный, пригодный для нужд убогой власти образ перестройки как необратимого движения к капитализму и тем самым легитимировать ничтожество своего бытия. Чтобы заглушить вызывающую непристойность этих голосов стоит обратиться к центральному вопросу, который Беньямин ставит в своих тезисах о истории: «Кто субъект исторического познания?». Для тех, кто берет на себя ответственность за продолжение проекта освобождения, ответ на этот вопрос однозначен – это «сам борющийся, угнетенный класс». Класс-множество людей, ясно осознавших и порывающих с существующим порядком вещей, который сковывает нашу жизнь, наши мечты, достоинство и силу нашего учреждающего труда. Всех тех, кто еще помнит, что значит гордость быть частью человечества, стремящегося к свободе.

Если мы готовы примириться с историей победителей, то это будет предательством по отношению к опыту перестройки. Если мы хотим и готовы наследовать советскому проекту, то мы должны его переосмыслить как историю побежденных, как борьбу за актуализацию всего «советского», репрессированного

в истории СССР - государства-партии. Без этого парадоксального жеста, мы вряд ли сможем что-то извлечь из этого страшного опыта поражения революции и народовластия, последовавшего после 1917 и 1991 годов.

Собственно, для нас перестройка, как Событие, и начиналась как «революционный шанс в борьбе за угнетенное (советское) прошлое», а не за комфортное буржуазное будущее. Прошлое, бездарно протраченное, уничтоженное государством-партией, которое и умирая, оказалось способным отравить вокруг себя все живое и воскреснуть из руин под контролем бывших офицеров КГБ, партийных аппаратчиков и юных комсомольских холуев, быстро нашедших общий язык с капиталистами всех стран.

В конце концов, эта наша верность может быть сформулирована в одном емком политическом лозунге, появление которого ознаменовало начало советской истории и парадоксальным образом закрыло его в те ясные солнечные дни поздней осени, когда агония временно мобилизованных перестройкой советов в 1993 году пришла к своей трагической кульминации. Это лозунг: «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!»

То есть начинать говорить о перестройке, стоит так, чтобы заново «...чесать историю против шерсти». (DV)

Перестройка – Зонгшпиль. Победа над путчем. Сценарий фильма

Авторы: Ольга Егорова – Цапля; Дмитрий Виленский; Наталья Першина – Глюкля

музыка:
Михаила Крутика

Действующие лица:

1. Демократ
2. Предприниматель
3. Революционер
4. Националист
5. Женщина
6. Хор – мужчины и женщины в традиционных хоровых костюмах.
7. Группа девочек-волчков – девочки в школьной форме с масками волков, время от времени вмешивающихся в действие.

Сцена 1

Вступительный хор на фоне города и грозового неба:

- Мы пришли сюда, чтоб рассказать вам историю
- О несбывшихся надеждах,
- Об обманутых обещаниях
- Вот пять героев перестройки
- Пять героев перестройки
- Сегодня они творцы истории,
- Они творят историю
- Идеалист-демократ
- Благородный бизнесмен
- Герой революционер
- Обиженный националист
- И женщина, которая осознала, что у нее есть собственный голос
- Сегодня они верят, что вместе они могут построить
- Новое справедливое общество
- Тирания пала!

- Коммунистический режим не вернется уже никогда
- К прошлому возврата нет!
- К прошлому возврата нет!
- Каким бы не было будущее, оно будет лучше, чем прошлое!
- Лучше, чем прошлое!
- Мы расскажем вам историю
- О несбывшихся надеждах
- Об обманутых обещаниях

Сцена 2

Комната демократа. На стене портрет академика Сахарова и Ельцина. Демократ в большом возбуждении бежит по комнате. Остывает и смотрит в камеру.

Демократ: Сегодня великий день. Демократия победила! Ура, товарищи! Попытка диктатуры провалилась! Прогнивший коммунистический режим рухнул! Нашу молодую демократию пытались давить танками, но мы, как один человек, встали на ее защиту! Мы строили баррикады из телефонных будок, а тех, кто оставил свои собственные автомобили на пути движения танков, встречали аплодисментами. Я сам, конечно выступал на митинге и своими речами вдохновлял наших сограждан. Ведь главное, дать людям понять, что они уже больше не винтики идеологической машины, они граждане, отвечающие за себя и свою страну. Долой коммунистическую идеологию, лишающую человека индивидуальности! Пускай наша страна сегодня в разрухе, нищета, голод и разгул преступности. Пускай! Главное – мы свободны! Приятно знать, что в этом есть и моя заслуга. Я, демократ, уже много лет тружусь, разрабатывая различные модели экономических и социальных реформ, которые радикально улучшат жизнь нашего народа. Мы не должны бояться эксперимента. Какаянибудь из этих моделей обязательно сработает! Наша цель демократия и свободный рынок... (на лице мысль воспоминание) – срыгается с места и убеждает Камера проезжает, и мы видим

стоящий у стены хор.

Хор:

- Наш демократ не циник, нет! Он думает о благе всего народа.
- Во всяком случае, сегодня!
- Скоро слово демократ станет ругательством.
- Дурацкие реформы!
- Безответственные!
- Обещали золотые горы, и где они? И где они?
- Зачем нужна ваша свобода, если есть нечего?
- все благие начинания будут проглочены
- старыми бюрократами! Новыми олигархами!
- Проглочены! Проглочены!
- Бюрократической машиной!
- Спец. Службами и Биржами!
- Рынками и Генералами!
- Олигархами! Олигархами!
- Ненависть и насмешка – вот что будет вызывать демократ.
- А ведь он хотел как лучше!
- А ведь он хотел как лучше!
- Но демократии не получилось.
- Это его вина!
- Это его вина?
- Это его вина!

Камера едет дальше. Смех девочек-волчков. Топот детских ног.

Сцена 3

Комната предпринимателя. Пустые коробки из под западной продукции. Демократ и бизнесмен пожимают руки – хлопают друг друга по плечу по плечу...

Демократ: большое спасибо за поддержку демократии на баррикадах – безвашей бесплатной задачи кофе и бутербродов, победа бы не состоялась...

Предприниматель: Да как же могло быть иначе! (смотрит в камеру) Я, как типичный представитель молодого советского бизнеса, изо всех сил поддерживаю прогрессивные демократические реформы в нашей стране. Ведь у нас одна цель – Свобода! А значит – свободный рынок и демократия. Демократ: Вот именно, демократия и свободный рынок! Мы построим счастливое

общество, где будет править свободная конкуренция и свобода слова!

Предприниматель: Главное, что мы должны изменить отношение общества к бизнесу, нам нужна разумная приватизация, чтобы кто-то взял ответственность за все это ничейное и значит не работающее на благо страны... А то ведь, знаете, некоторые думают, что мы воры и преступники... Демократ: Совершенно с вами согласен! Мы должны открыть глаза нашим согражданам на то, что капитализм изначально присущ человеческой природе. Без частной собственности нет настоящей ответственности, а без честного соревнования не может быть развития человека! Приватизация и конкуренция всех форм собственности вот что нам надо – я буду работать в новых органах власти, чтобы эти законы были приняты как можно скорее... Продолжают говорить, но камера отъезжает на хор.

Хор:

- Вот так они и спелись, демократ и бизнесмен
- Свобода! Свобода!
- Как быстро они поняли, что есть вещи поважнее, чем свобода
- Остановись, демократ!
- Деньги и власть! Деньги и власть!
- Что может быть слаще?
- Остановись, демократ!
- Вот так и начинается коррупция!
- Добавьте к ним Гэбиста и Мафиози – это будет идеальная компания
- Что бы грабить стану!
- Что бы мучить народ!
- Остановись, демократ!
- Деньги и власть!
- Деньги и власть!

Оставив хор камера движется дальше. Смех девочек-волчков. Топот детских ног. Девочки волчки пробегают где-то вдалеке.

Сцена 5

Комната революционера. Революционер вешает лозунг: Даешь всеобщую забастовку

трудящихся! – слезает со стула и говорит в камеру

Революционер: Сегодня рабочие показали, на что они способны. В жизни я видел огромное количество митингов. Но такого массового никогда! Подходили колонны с Кировского завода, Металлического. Это было зрелище! Мы, с товарищами, распространяли листовки. Рабочим нужно было указать, что делать в нынешней ситуации. К сожалению, наши листовки чаще всего рвали у нас на глазах. Но некоторые их все-таки читали! Но, как настоящий революционер, должен сказать – это только начало нашей борьбы. Революционная ситуация уже сложилась. По всей стране катится волна забастовок. Сейчас рабочие могут получить все, что захотят. Мы должны добиться передачи под их контроль всех предприятий страны и участия в реальном управлении государством. Главное, мы должны помешать реставрации капитализма в нашей стране! У нас есть шанс, и мы его не упустим! Мы создадим революционную рабочую партию, способную вести за собой самые широкие массы трудящихся. Нам нужна всеобщая забастовка. Вся власть советам! Камера движется на хор.

Хор:

- Ты смутяня! Смутяня!
- Приватизация! Приватизация!
- Вот железная логика истории!
- Металлолом, земля,
- нефть и газ,
- вот все что нужно для создания нового класса господ
- А народ не нужен он получит свою долю – ваучер!
- Волшебный ваучер
- стоимостью в бутылку спирта
- Вот его доля собственности
- Пусть пьет – забудется...
- Скоро рабочим не будут зарплату платить
- Совсем. Совсем!
- Но они все равно будут ходить на работу
- Потому что это порядок!
- Потому что страшно менять.
- Бастовать? Ну нет!
- Рабочий должен работать!

- Такая у нас рабочая гордость!
- Таков порядок! Таков порядок!
- Нас эксплуатируют? Пускай!
- Рабочий для этого создан.
- Таков порядок! Таков порядок!

камера движется дальше...

Сцена 4

Комната националиста. В комнате стоят портреты Сталина и Николая II на палках, приготовленные для демонстраций. националист сидит на стуле – невесел. Поднимает глаза и тяжело смотрит в камеру.

Националист: Я, как настоящий патриот России, не стал бы так радоваться. Нечему. Да. Евреи-демократы и их прихвостни капиталисты твердо решили погубить нашу Родину! Русскому народу не нужна их свобода. Нам твердая рука нужна! Наш русский порядок. А то испоганили все, развалили. Только и думают, как свой карман набить, а о русском народе забыли. Ничего, дайте нам только с силами собраться. Увидите, что такое русский народ. Главное теперь очистится нам всем народом надо от скверны коммунистической, покаяться... *Вбегают демократ.*

Демократ: Вот вы говорите – покаяние. Совершенно с вами согласен! Безусловно! Мы должны возродить в обществе нравственность и гуманизм! Для этого нужно, во-первых, объявить КПСС и КГБ преступными организациями, закрыть Мавзолей Ленина, снести памятники деятелям коммунистического режима, вернуть городам и улицам исторические названия **Националист:** Главное нашу российскую Государственность возродить. И Церкви все храмы нужно передать. И все имущество тоже.

Демократ: И с этим тоже согласен!
Камера отъезжает на хор.

Хор:

- Порядок и стабильность вот что нам нужно!
- Порядок и стабильность!
- А что их нам принесет?
- Твердая рука! Русская рука!
- Нет! Нет! Мы не согласны!
- Государственная идеология
- Не может народ без идеологии
- Нет! Нет! Мы не хотим!
- Гордость народу нужна!
- У России свой собственный путь!
- Ведь кругом враги!
- Все мечтают Россию погубить
- Враги вот что объединит народ!
- Нет! Нет! Мы не согласны!
- Дети окраин берут ножи, послушав политиков по телевизору они-то знают, кто виноват
- Чужой! Враг виноват!
- Путин – Путин – Путин
Камера едет дальше....

Сцена 5

Комната революционера. Бизнесмен горячо убеждает революционера.

Бизнесмен: В этот великий день, когда стало ясно, что возврата к прогнившему социализму больше нет, когда пала власть бюрократии, вы не должны сомневаться, что мы, те кто пришли к власти, будем строить будущее, основанное на свободе. Скоро мы будем жить как в Швеции!

Революционер (саркастически улыбается): Или как в Чили?
Бизнесмен: Ну, или как в Чили. А что, Пиночет – великий человек. Коммунистическую заразу остановил? Остановил. Реформы провел? Провел? Нам учиться у него надо!

Врывается демократ

Демократ: Совершенно с вами согласен!

Революционер резко разворачивается и уходит

Хор:

- Швеция – наш потерянный рай
- Пиночет! Пиночет!
- Наш потерянный рай
- Пиночет! Пиночет!
- Швеция наш потерянный рай...
- Наш потерянный рай...

Камера выезжает в коридор. Со смехом пробегают девочки-волчки. Подпрыгивают, что бы заглянуть в камеру.

Сцена 6

Камера въезжает в комнату националиста. Революционер стоит около сидящего националиста.

Революционер: Чего сидишь? Пошли на площадь! Смотри какой день!

Националист: Да неохота мне опять с жидами...

Революционер: Брось свои дурацкие предрассудки! Мы сейчас должны сплотиться в один кулак, что бы противостоять буржуазному болоту, в которое тянет нас эта либеральная сволочь!

Националист: Да иди ты, со своим коммунизмом!

Революционер: Ты же боец, я тебя по всем революционным организациям помню!

Националист: Ну ладно, пойдем (поднимается). Вот, портрет, что ли, возьми... *(шутит - протягивает портрет Сталина)*

Революционер: Да ты в своем уме? У меня свои портреты, свои лозунги!

Революционер и националист уходят вместе.

Хор:

- Ненависть к власти вот что главное!
- Революция – вот что главное!
- А там посмотрим, кто кого!
- А там посмотрим, какая это будет революция
- Русская? Пролетарская?
- Новые фашисты со старыми сталинистами встанут на защиту последнего Верховного Совета
- И народ с любопытством будет глазеть, как их будут расстреливать из танков на улицах Москвы
- Красно-коричневая уличная зараза будет раздавлена в крови, чтобы стать уважаемой идеологией под полным контролем новой власти
- Чечня-Чечня-Чечня....

Сцена 7

Комната революционера. Бизнесмен и демократ продолжают волнующую беседу.

Демократ: ..и все-таки, я считаю, что мы должны сократить армию хотя бы в два раза. Тогда запад поймет, что СССР - это больше не пугало, не дикий медведь, и повернется к нам лицом, протянет нам руку помощи.

Бизнесмен: Конечно, в бизнесе нам не обойтись без западных партнеров...

Демократ: Мы должны показать наши добрые намерения. Смотрите, мы хотим исправиться! Мы всего лишь ученики, изучающие уроки демократической жизни. Мы будем стараться и построим такое же гуманистическое общество, как на западе. И тогда мы будем жить как в Швеции!

Бизнесмен: Намного лучше, как в Норвегии! Главное с умом распорядиться нашими природными ресурсами!

Демократ: Нам говорят: Вы хотите развалить Советский Союз. Но что же делать, если наши братские республики не хотят больше жить по нашим старым законам? Мы должны показать,

что мы твердо стоим на пути демократических преобразований и они сами вернутся к нам.

Входит женщина. Демократ замечает ее и обращается к ней

Демократ: Дорогая, ты видишь, как все меняется!

Женщина: Идемте на площадь! День-то какой! Наше место сегодня – с нашим народом!

Демократ: Совершенно с вами согласен!

Женщина: Я хочу говорить!

Демократ: Пожалуйста,

пожалуйста...

Женщина: С трибуны хочу говорить!

Бизнесмен и демократ растерянно переглядываются

Демократ: Эээ...

Бизнесмен: А вам есть что сказать?

Женщина: Да!

Демократ: Ну если вы в этом уверенны... То я не возражаю!

Да, в этот великий день у всех есть право голоса!

Женщина: Скорее на площадь!

Все уходят.

Сцена 8

и появляются в новых декорациях изображающих городскую среду и площадь города с собором в центре - месте, где традиционно проходили перестроечные митинги. чуть дальше камера выезжает на хор на фоне улицы и грозового неба

Хор:

- На площадь! На площадь!
- Кто делает историю?
- Кто делает политику?
- На площадь! На площадь!
- Сто тысяч человек на площади!
- Они свое слово скажут!
- И все изменится!
- И все изменится?
- Они верят все изменится
- Потом они разойдутся по домам...
- Пережив миг великого единения
- Такое бывает только раз в поколение!
- Они разойдутся по домам
- С чувством выполненного долга
- И тогда заговорят бюрократы
- И тогда вернется КГБ
- И тогда вернется те, кто точно знают свой интерес
- Деньги и власть!
- Деньги и власть!
- Им не о чем беспокоится
- Ведь люди разойдутся по домам
- С чувством выполненного долга
- Сто тысяч человек на площади!
- На площадь! На площадь!

Камера оставляет хор и движется по «улице» и приезжает на площадь, где мы видим небольшую трибуну. Герои занимают позицию вокруг этой трибуны. На трибуну взбирается женщина.

Сцена 9

(основной текст произносит героиня и он прерывается репликами остальных персонажей)

Женщина:

- Товарищи! Господа! Сестры!
- В этот великий день победы демократии, когда ярмо прогнившего коммунистического режима сброшено окончательно и бесповоротно, хочу поздравить вас с наступлением эры свободы, равенства и сестринства!
Аплодисменты.

- **Националист** (растерянно): Это кто ж тебе сестра-то тут?

Женщина: ...сегодня закладываются основы нового общества, новых взаимоотношений между людьми и целыми классами. Какими они будут в дальнейшем, зависит только от нас. Те, кто завтра придут в политику, должны опереться на твердую нравственную основу. Следует

признать, что демократичность, в самом глубоком смысле этого слова - женское начало. И это накладывает на женщину особую ответственность.

Демократ: Что, извините, женское?

Женщина: ...десятилетия рабства лишили наших мужчин ответственного отношения к политике. Ничего, мы готовы поделиться этим качеством с мужчинами. У женщины есть большой опыт воздействия на мужчину и ребенка и мы должны применить его, влияя на парламент и на всю политическую жизнь страны.

- **Националист** (выкрикивает): Это ты что ж такое говоришь-то, а? Да кто ж тебе позволит мужчине-то воспитывать? Вспомни свое место, женщина!

Женщина: Прежде всего мы должны осознать, что мужчина такой же носитель жизни на земле, как и женщина, а дети - это не только будущее, но и субъект общества, несущий в себе те же права и обязанности, что и взрослый.

Бизнесмен (обращаясь к демократу): Пожалуй, нам нужно вернуть женщину в семью...

Демократ: Совершенно с вами согласен. А то это видите, до чего может довести...

Националист: Да стащите ее с трибуны!

Женщина: ..равенство - основа всего общества. Необходимо, поэтому, что бы равенство впитывалась с молоком матери.

Националист: Мужика тебе нужно хорошего, чтоб показал тебе, где равенство!

Женщина: ...мы должны обратить внимание на страдания и смерть людей, живущих рядом с нами. Хватит глубокомысленных рассуждений об устройстве страны! Мы только и занимаемся тем, что призываем мучить друг друга, то за социалистический выбор, то за демократию, но ведь болезнь и смерть человека не имеют отношения к сиюминутной политической ситуации.

Демократ: (выкрикивает): Позвольте мне вам возразить! Отношение к страданиям и смерти зависит от общественного строя. Конечно, при социализме жизнь человека ничего не стоила, но теперь, когда мы строим светлое капиталистическое будущее все изменится!

Националист: В церковь иди, женщина!

- Образовавшийся духовный вакуум мы сможем заполнить только преклонением перед Матерью, как основой основ. Только это может спасти человечество от глобального насилия.

Демократ: Вот тут я согласен. Мы отвергаем насилие, как средство достижения цели. Кровь рождает кровь, а смерть рождает смерть! Наша революция бескровна! Ну, почти бескровна...

Революционер: Хватит пускать интеллигентские сопли! Если мы отдадим власть мировому империализму, вы их еще наглотаетесь! Что хорошо и нравственно для пролетариата, то смерть для буржуазии!

Бизнесмен (продолжая улыбаться, не громко): Как, впрочем, и наоборот... *(Громко)*

Пусть объяснит мне предыдущий оратор, как можем быть равны, например, я, который берет ответственность за судьбу страны, за выход ее из разрухи и бездельник-алкоголик, который не может отвечать даже за себя? Я, который, не смотря на сопротивление общественного мнения, зарабатываю большие деньги и, тем самым, подаю обществу пример тяжелого, но продуктивного труда и бездельник, привыкший жить на шее у государства?!

Демократ (растерянно): Но ведь должно быть равенство перед законом...

Бизнесмен: Ну, перед законом... Но по факту!

Националист: А я считаю, и перед законом тоже! У русского, православного народа, живущего на своей земле, должно быть больше прав, чем у иноверцев. Закон должен защитить поправленные права русских, десятилетиями живущих под пятой красных жидов! А теперь их права должны быть ограничены.

Женщина все время порывается что-то сказать, но ей не дают. Ей кажется, что она говорит очевидные вещи Мужчины продолжают спорить, постепенно переходя на крик.

Демократ: Вы говорите непозволительные вещи! Не должно быть никакого превосходства человека над человеком! Мы построим свободное общество, где все будут равны! Где будут просвещенные богатые и счастливые бедные!

Бизнесмен: Правильно! Править страной должны ответственные люди, вне зависимости от национальности. Сумев создать и распорядиться собственным капиталом я доказал, что сумею управлять и страной!

Националист: А пусть жида прощения попросят у русского народа! Нам необходимо возродить российскую империю, сильную армию, карательные русские органы!

- **Революционер:** чтобы достичь революционной ситуации, мы не стоим не перед какими жертвами! Мы создадим Красные бригады!

Демократ: Но, позвольте!...

Врываются девочки волчки. Они проносятся, как стихия, которая выворачивает все наизнанку. После их разрушительного пробега сцена расчищена и площадь опустела

06.07.2008

**the action is taking place around
22 August 1991**

Characters:

1. Democrat
2. Businessman
3. Revolutionary
4. Nationalist
5. Woman
6. Chorus (men and women in traditional choir costumes)
7. Group of Wolf-Girls (young girls in school uniforms and wolf masks who intervene in the action from time to time)

Scene 1

The Chorus sings the introduction. Behind them we see a cityscape with a stormy sky above it.

We've come to tell you the story
Of hopes that didn't come true
Of promises that weren't made good.
Here are five heroes of perestroika,
Five heroes of perestroika.
Today they are the masters of history,
They are making history:
An idealistic democrat,
A noble businessman,
A heroic revolutionary,
A bitter nationalist,
And a woman who has found her own voice.
Today they believe that together they can build
A new, just society.
Tyranny has fallen!
The communist regime will never return.
There's no going back to the past!
There's no going back to the past!
Whatever the future holds,
it will be better than the past,
Better than the past. . .
We will tell you the story
Of hopes that didn't come true
Of promises that weren't made good.

Scene 2

The Democrat's room. Portraits of Andrei Sakharov and Boris Yeltsin hang on the wall. The Democrat is extremely excited and dashes about the room. He stops and addresses the camera.

Democrat: Today is a great day. Democracy has triumphed! Hurrah, comrades! The attempt to establish a dictatorship has failed! The rotten communist regime has collapsed! They tried to crush our fledgling democracy with tanks, but we came to its defense! We built barricades from telephone booths, and the people who parked their cars in the path of the tanks were greeted with applause. I, of course, took part in the demonstration, where I tried to inspire my fellow citizens with my speeches. It is important to let people know that they are no longer cogs in the ideological machine—they are citizens, responsible for themselves and their country. Down with communist ideology, which deprives man of his individuality! So be it that today our country is in ruins, poor, hungry, and crime-ridden. So be it! What is important is that we are free! It is nice to know that I had a hand in this. I, a democrat, who have labored for many years devising various models of economic and social reform that will

radically improve the lives of our people. We shouldn't be afraid to experiment. One or another of these models will work for sure. Our goal is democracy and a free market... free market

The Democrat remembers something and he dashes off stage. The camera tracks right, and we see the Chorus standing next to a wall.

Chorus:

Our democrat is no cynic, no!
He thinks about the common good.
Today, at least! Today, at least!
Soon the word democrat will become a curse.
Democrat! Democrat!
Stupid reforms! Stupid reforms!
They're irresponsible!
They promised us mountains of gold, but where are they?
What use do we have for freedom if there's nothing to eat?
All their good intentions will be swallowed whole
By the old bureaucrats, by the new oligarchs!
Swallowed whole! Swallowed whole!
By the bureaucratic machine!
By the secret services and the stock markets!
By the markets and the generals!
By the oligarchs! By the oligarchs!
Hatred and ridicule:
This is what people will feel for our Democrat.
But his intentions were good!
But his intentions were good!
Democracy didn't work out, however.
It is his fault!
It is his fault!
It is his fault!
The camera tracks even further right. We hear the laughter of the Wolf-Girls and the trampling of their feet.

Scene 3

The Businessman's room. It is piled with boxes of western consumer goods. The Democrat and the Businessman shake hands and pat each other on the shoulder.

Democrat: Thank you so much for supporting democracy on the barricades. Without your free coffee and sandwiches, we wouldn't have won.
Businessman: I wouldn't have had it any other way! *(Addresses the camera.)* As a typical representative of the fledgling Soviet business world, I wholeheartedly support progressive democratic reforms in our country. For we have a single goal—freedom! And that means the free market and democracy.
Democrat: That's right—democracy and the free market! We'll build a happy society where free competition and freedom of speech reign!
Businessman: We have to change society's attitude toward business. We need a rational privatization program that will take all this stuff that belongs to no one, and thus contributes nothing to the nation's welfare, and place it in responsible hands. As it is, some folks think we're thieves and criminals.
Democrat: I couldn't agree with you more! We have to open our fellow citizens' eyes to the fact that capitalism is an inherent part of human nature. Without private property there is no real responsibility, and without honest competition

the individual cannot grow. Competition and the privatization of all forms of property—that's what we need. I will use my new political power to make sure these laws are passed as quickly as possible.
They continue to speak, but the camera tracks back to the Chorus.

Chorus:

How the Democrat and the Businessman sang like a pair of lovebirds!
Freedom! Freedom!
How quickly they figured out that there are things more important than freedom!
Stop before it's too late, Democrat!
Money and power! Money and power!
What could be sweeter?
Stop before it's too late, Democrat!
Thus does corruption take root.
Add to this pair the KGB Spook and the Mafioso
And you'll have the ideal band.
To pillage the country!
To torture the people!
Stop before it's too late, Democrat!
Money and power!
The camera leaves the choir and tracks away. We hear the laughter of the Wolf-Girls and the trampling of their feet. The Wolf-Girls run by somewhere in the distance.

Scene 5

The Revolutionary's room. The Revolutionary hangs a banner on the wall that reads, "Workers, Join the General Strike!" He steps down from the ladder and addresses the camera.

Revolutionary: The workers showed what they're capable of today. I've been to many demonstrations in my life, but I've never seen such a massive one as today's! There were columns of marchers from the Kirov Plant, from the Metal Works. It was quite a sight! Me and the other comrades ran around the square and handed out leaflets. We had to show the workers what to do in the present situation. Unfortunately, people mostly tore up our leaflets before our very eyes. But some people read them all the same!
As a real revolutionary, however, I have to say that this is only the beginning of our struggle. The revolutionary situation is at hand. A wave of strikes is sweeping the whole country. Now the workers are in a position to get everything they want. We have to ensure that all the country's factories are transferred to their control and that they have a real role in running the state.
Most of all, we have to stop the restoration of capitalism in our country! We have a chance and we're not going to waste it! We'll form a revolutionary workers party that will have the broad support of the workers. We need a general strike. All power to the soviets!
The camera moves back to the Chorus.
Chorus:
You're a troublemaker! A troublemaker!
Privatization! Privatization!
Such is the ironclad logic of history.
Scrap metal, land, oil, and gas
Are all you need to create
a new class of masters.
They have no use for the people.
The people will get their share—in vouchers!

Magical vouchers, Magical vouchers,
worth a bottle of ninety-proof.
That is the people's share
of the country's property.
Let the people drink, let them forget.
Soon the workers won't get paid
At all, at all!
But they'll show up for work all the same
Because that's the way things are!
Because change is scary.
Go on strike? You kidding?!
The worker has to work:
That is worker's pride in Russia.
That's the way things are!
They're exploiting us? Let them!
That's what workers are for.
That's the way things are!

As the camera tracks down the hallway, we hear the laughter of the Wolf-Girls.

Scene 4

The Nationalist's room. Placards bearing portraits of Stalin and Nicholas II are propped against a wall, in anticipation of the next demonstration. The lonely Nationalist sits on a chair; he is downcast. He raises his head and grimly addresses the camera.

Nationalist: Since I'm a real Russian patriot, I'm not going to get carried away. There's no reason. Yes, the Jewish democrats and their capitalist lackeys have definitely resolved to destroy our Motherland. The Russian people don't need their freedom. We need a strong hand! To bring discipline and order. Russian order. Because they've ruined and wrecked everything. The only thing they think about is how to stuff their pockets: they've forgotten the Russian people. That's okay: give us some time and we'll get our wind back. You'll see what the Russian people are made of. The main thing now is that the people purge itself of the communist blight and repent.
The Democrat dashes into the room.
Democrat: You say repentance? I couldn't agree with you more. Absolutely! We have to revive society's sense of morality and humaneness. For that to happen we've got to outlaw the CPSU and the KGB, close the Lenin Mausoleum, demolish the monuments of the communist regime, and return historic names to cities and streets.
Nationalist: First of all, we have to revive the national Russian state. And give the Church all its temples back. And its property, too.
Democrat: I couldn't agree with you more!
The camera moves back to the Chorus.
Chorus:
Order and stability, that's what we need!
Order and stability!
Who will bring them to us?
A strong hand! A Russian hand!
No, no! We disagree!
State ideology:
The people can't live without ideology.
No, no! We don't want it!
The people needs pride.
Russia has its own path to follow.
For we're surrounded by enemies.
They all dream of destroying Russia.
Enemies: that's what unites the people!
No, no! We disagree!
The kids from the outskirts

Cameraman: Now we have the every passing day. And so now the easier it is to see where t

igspiel. The Victory over the Coup /// scenario of the film. Composer: Mikhail Krutik

will grab their knives
When they hear the politicians on TV.
They know who is to blame:
The outsider, foreign are to blame, the
enemy!
Putin, Putin, Putin...

The camera tracks away from the Chorus. The Woman dashes by. She says: "It's a great day, a great day!" The Wolf-Girls run after her, laughing. They clown around.

Scene 5

The Revolutionary's room. The Businessman is arguing with him.

Businessman: On this great day, when the power of the bureaucracy has collapsed, it is clear that there is no going back to the rotten socialist system. You shouldn't doubt for a second that those of us who have taken power will build a future based on freedom. Soon Russia will be like Sweden.

Revolutionary (smiles sarcastically): Or like Chile?

Businessman: Or like Chile. What of it? Pinochet is a great man. Did he stop the communist menace? He did. Did he reform the economy? He did. We could learn a lot from him!

The Democrat bursts into the room.

Democrat: I couldn't agree with you more!

The Revolutionary turns on his heel and exits the room.

Chorus:

Sweden is our paradise lost.

Pinochet! Pinochet!

Our paradise lost.

Pinochet! Pinochet!

Sweden is our paradise lost.

Our paradise lost...

The camera pans back into the hallway.

Scene 6

The camera pans into the Nationalist's room.

The Nationalist is seated; the Revolutionary stands next to him.

Revolutionary: What you sitting here for? Let's go to the square! Just look what's happening out there!

Nationalist: I don't feel like it, what with those kikes...

Revolutionary: Forget your stupid prejudices! Today we have to come together like a fist to withstand the bourgeois swamp those liberal scum are dragging us into.

Nationalist: You and your communism can take a hike!

Revolutionary: You're a fighter—I remember you from all the revolutionary organizations.

Nationalist: Well okay, let's go. *(He stands up.) Here, why don't you take this placard? (He hands him the placard with Stalin's portrait.)*

Revolutionary: You out of your mind? I've got my own placards and my own slogans.

The Revolutionary and the Nationalist leave together.

Chorus:

Hated for authority, that's the main thing.

Revolution, that's the ticket!

After it's over we'll see who came out on top.

After it's over we'll see

what kind of revolution it was.

A Russian revolution?

A proletarian revolution?

Neofascists and old Stalinists will come to the defense of the last Supreme Soviet.

The people will stand

on the sidelines watching

As tanks gun them down

on the streets of Moscow.

The red-brown street scum will be crushed

Only to return as a respectable ideology

Under the total control of the new power.

Chechnya, Chechnya, Chechnya...

Scene 7

The Revolutionary's room. The Businessman and the Democrat continue their heated discussion.

Democrat: Nevertheless, I think we should reduce the size of the army at least by half. Then the west will see that the Soviet Union is no longer a scarecrow or a wild bear. They'll turn around and offer us a helping hand.

Businessman: Of course, we businessmen can't do without western partners.

Democrat: We have to demonstrate our good intentions. Look, we want to change! We are just pupils studying the lessons of democracy. We're going to try hard and build a humane society just like the west's. And then Russia will be like Sweden!

Businessman: Better yet, like Norway! We just have to use our natural resources wisely.

Democrat: They say we want to destroy the Soviet Union. But what can we do if our brother republics don't want to live according to the old laws anymore? When we show them that we've set out firmly on the road of democratic change they'll come back to us.

The Woman comes in. The Democrat notices her.

Democrat: Dear, you see how everything is changing!

Woman: Let's go to the square. What a day! Our place today is with our people!

Democrat: I couldn't agree with you more!

Woman: I want to speak!

Democrat: Go right ahead.

Woman: I want to speak from the podium!

The Businessman and the Democrat give each other befuddled looks.

Businessman: Do you have something to say?

Woman: Yes!

Democrat: Well, if you're sure about it, then I have no objections. On this great day everyone has the right to speak.

The Businessman nods uncertainly.

Woman: Let's go the square! *Everyone exits*

Scene 8

The Chorus again appears against the backdrop of a street scene under a stormy sky.

To the square! To the square!

Who makes history?

To the square! To the square!

One hundred thousand people on the square.

They'll make themselves heard.

And everything will change!

Everything will change?

They believe!

Everything will change.

Then they'll return to their homes

After a moment of magnificent unity.

Things like this happen once in a generation!

They'll return to their homes

Satisfied they've done their duty.

And then the bureaucrats will have their say.

And then the KGB will return.

And then the people

who really know what they want will return.

Money and power!

Money and power!

They've got nothing to worry about.

For they'll return to their homes

Satisfied they've done their duty.

One hundred thousand people on the square!

To the square! To the square!

The camera pans away from the Chorus and moves along the "street," arriving at the square.

We see a small podium around which our heroes have gathered. The Woman mounts the podium.

The Woman gives the main speech, which is interrupted by remarks from the other characters.)

Woman: Comrades! Gentlemen! Sisters! On this great, victorious day for democracy, when the yoke of the rotten communist regime has been cast off once and for all, I want to congratulate you: the era of liberty, equality, and sisterhood has dawned!

Applause.

Nationalist (confused): What sisters are you talking about?

Woman: Today we lay the foundations of a new society; we found new relationships between people and whole classes. What this society will be like depends on us alone. Our new political leaders must be supported by a firm moral foundation in their work. It has to be said that democracy, in the most profound sense of the word, is feminine. This charges women with a special responsibility.

Democrat: What's feminine about it?

Woman: Decades of slavery have deprived our men of a responsible attitude to politics. That's okay: we women are prepared to share this quality with men. Women have a lot of experience taking care of men and children. We have to apply this experience by shaping parliament and all of political life in our country.

Nationalist (shouting): What the hell are you talking about, huh? Who gave you the right to tell a man what to do? Remember your place, woman!

Woman: Most of all we have to realize that men are just as much bearers of life on earth as are women, and that children are not only our future, but social subjects who have the same rights and obligations as adults.

Businessman (addresses the Democrat): I think we have to get women back into the kitchen.

Democrat: I couldn't agree with you more. Otherwise, you can see what this will lead to.

Nationalist: Get her off the podium!

Woman: Equality is the whole basis of society. Equality should thus be instilled in the child with her mother's milk.

Nationalist: You need a real man to show you what equality is!

Woman: We must turn our attention to the suffering and deaths of the people around us. Enough of all this deep talk about the country's political system! All we do is make appeals to torture each other—in the name of democracy, in the name of socialism. But individual illness and death have nothing to do with the current political situation.

Democrat (shouting): Allow me to object! One's attitude to suffering and death depends on the social system. Under socialism, of course, the individual's life wasn't worth anything, but now that we're building the bright capitalist future, everything will change!

Nationalist: Get thee to a church, woman!

Woman: The only thing we have to fill the moral vacuum is reverence for the Mother, who is the foundation of all foundations. Only this can save humanity from total violence.

Democrat: Now I can agree with that. We reject violence as a means to our end. Blood begets blood, death begets death. Our revolution is bloodless! Well, almost bloodless.

Revolutionary: Enough of this intelligentsia sniveling! If we hand over power to international imperialism, you'll have more than enough to snivel about. What's good and moral for the proletariat is death for the bourgeoisie!

Businessman (continues to smile; quietly): And vice versa. . . . *(Loudly)* Perhaps the previous speaker could explain to me how I, who have taken responsibility for this country's destiny and its recovery from collapse, and a shiftless alcoholic who cannot even take responsibility for himself, are equal? I, who, despite the resistance of public opinion, earn good money and thus show society the value of hard but productive labor, and a layabout who's used to living off the state?!

Democrat (confused): But there should be equality before the law.

Businessman: Yes, before the law. . . but each to according to his deserts!

Nationalist: I believe that there should be equality before the law as well! The Russian Orthodox people should have more rights in its own lands than infidels. The law must champion the rights of Russians, who for decades have lived under the heel of the red kikes! Their rights should now be restricted.

Democrat (confused): But there should be equality before the law.

Businessman: Yes, before the law. . . but each to according to his deserts!

Nationalist: I believe that there should be equality before the law as well! The Russian Orthodox people should have more rights in its own lands than infidels. The law must champion the rights of Russians, who for decades have lived under the heel of the red kikes! Their rights should now be restricted.

The Woman keeps trying to say something, but the other characters don't let her speak. It seems to her that the truth of what she has said is self-evident. The men continue to argue. They attempt to shout each other down.

Democrat: What you're saying is outrageous! No man should be superior to any other! We'll build a free society where everyone is equal! Where the rich will be enlightened, and the poor, happy!

Businessman: Exactly! The country should be run by responsible people, regardless of their ethnicity. Because I made and managed my own money, I have proven that I can manage the country as well!

Nationalist: Let the kikes ask the Russian people for forgiveness! We must revive the Russian Empire, build a strong army, and unleash ethnic Russian punitive forces!

Revolutionary: No number of victims will stop us in our striving for the revolutionary situation! We'll form Red Brigades!

Democrat: Now wait a minute!

The Wolf-Girls rush the stage. They fly about like an elemental force that turns everything inside out. After their destructive passage, the stage is left bare and the square is emptied.

06.07.2008

chance to look at history through the lens of time. The image becomes sharper with we can focus faultlessly on the Event of Perestroika. The more distinct the picture, the key mistakes were made.

— Revolutionary: How did it happen that we fucked up such a chance to be free?

СТІТЬ
НІЩО
В ВРЕМЕНІ.
на речі
слова
КУС НА
ПЕРЕСТОІКУ

НО КАК ЖЕ ТАК ВЫШЛО,
ЧТО МЫ ПРОПЯЛИ ТАКОЕ
ШАНС СЛАТЬ СВОБОДУ?

ВОЗМОЖНО
 МЫ ПРОСТО ПОЗАБЫЛИ
 о том, что только
 согласованные
 действия,
 только совместные
 СЛАЖЕННЫЕ **УСИЛИЯ**
 могут принести
 Настоящую
 Свободу

Maybe we simply forgot that only coordinated action and mutually reinforced effort could achieve authentic freedom for everyone.

Алексей Юрчак | Миметическая критика идеологии. группы Laibach и АВИА

«Можно эффективно пародировать только над тем, к чему вы относитесь с истинной теплотой» -- Brian Eno, о творчестве группы АВИА.

К началу 1980-х годов в советской идеологии происходят значительные изменения. Вопрос о том, верить или не верить субъект идеологическим высказываниям, становится второстепенным. Куда важнее, что в публичном пространстве эти высказывания воспринимаются как неизменные. Идеологический дискурс все больше описывает не окружающую реальность, а самого себя. В этом контексте возникает новый метод критического отношения к идеологии, основанный не на оспаривании ее догм, как это делалось диссидентами, а на их имитации. Это метод, который можно назвать мимической критикой, не пытающейся вскрывать фальшивость тех или иных идеологических высказываний системы; у него другая задача - показать, что смысл этих высказываний не в передаче дословного смысла, а в том, чтобы создать ощущение своей собственной вечности. Наибольшее распространение метод мимической критики получает среди некоторых неформальных художников, музыкантов и людей их круга. Главным художественным приемом здесь становится сверх-отождествление (over-identification) с идеологией - точное воспроизводство ее высказываний и символов, при полном разрушении их смысла. У этого метода несколько преимуществ перед прямой оппозицией системе. Во-первых, власть легко выявляет и изолирует любой оппозиционный дискурс как анти-советский, тогда как дискурс сверх-отождествления с системной риторикой сложно уличить в анти-советскости по определению. Во-вторых, этот подход не требует отрицания всего советского как аморального, что позволяет осуществлять критику советской идеологии, не впадая автоматически в критику коммунистического проекта как такового. Мимическая критика практиковалась многими представителями неформальных художественных сообществ, от Пригова и Курёхина, до Митьков и Некрореалистов. Появилась она и в Восточной Европе. Особое развитие она получила у двух музыкальных коллективов 80-х - югославской группы Laibach и питерской группы АВИА. Впечатляют параллели философского плана между творчеством этих групп, особенно если учесть, что они

функционировали абсолютно независимо друг от друга. Laibach и АВИА были не просто рок группами, а мульти-медийными проектами по изучению взаимоотношения идеологии с искусством. АВИА называли себя «Лабораторией по исследованию идеологии», а Laibach входил в «Департамент чистой и прикладной философии» люблянского художественного движения NSK (Neue Slowenische Kunst). Их интерес к мимической критике стал очевиден во второй половине 80-х, с началом перестройки в СССР. Однако ранние примеры этого подхода проявились у обеих групп в начале 80-х. Именно тогда Laibach записывает ковер-версию популярного шлягера, Life Is Life, австрийской группы Opus. Попсовый оригинал Опуса, кончался словами: «И когда [всеобщее веселье/единение] подходит к концу, ты призываешь, чтобы оно не прекращалось. В каждой минуте будущего заключено воспоминание о прошлом. Ведь мы отдали все наши силы, всё самое лучшее. Если каждый из нас, отдав всё что у него есть, будет вместе с другими петь каждую песню, тогда жизнь будет жизнью!» Laibach слегка переписывает эту концовку: «Мы все рады приходу конца, мы не ждали, что он наступает. В каждой минуте будущего заключено воспоминание о прошлом. Ведь мы отдали все наши силы, всё самое лучшее. И каждый из нас потерял всё, что у него было и погиб вместе со всеми! Жизнь это жизнь!» Эйфорический шлягер о всеобщем единении оказывается маниакальным гимном, призывающим погибнуть всем, как одному ради общей идеи. Laibach настолько изменяет оригинал, сколько заостряет его смысл, подчеркивая тоталитарную основу массовой культуры, с ее мифологией народных корней и национального единства, и рыночными рейтингами продаж. В 1984-м году группа Странные Игры, трое из членов которой впоследствии организуют АВИА, тоже записывает ковер-версию популярного европейского шлягера Феличита итальянцев Аль Бано и Ромина Пауэр, который без конца крутится по советскому телевидению. В новом исполнении шлягер превращается в смесь авангардного джаза и саундтрека для шпионского фильма. От текста оставлено единственное слово - феличита; произносится оно медленно, низким электронным басом. В этой абсурдно-ироничной версии также оголяется идеологический подтекст массовой культуры: восторженный хит о

Alexei Yurchak | Mimetic Critique of Ideology. LAIBACH AND AVIA

“You can only effectively parody something, if you like it quite a lot as well”
 Brian Eno, discussing the work of AVIA

By the early 1980s, Soviet ideology had experienced major transformations. It became irrelevant whether one believed or disbelieved the ideological statements of the system, provided that one experienced these statements in the public sphere as immutable. In this context, a new type of critical engagement with ideology emerged – instead of contesting ideological dogmas, as was practiced by the dissidents, it was based on the imitation of ideology. We may call this method, *mimetic critique of ideology*. Mimetic critique was not designed to expose the falsity of ideological statements of the system, rather it showed that these statements no longer needed to be read for literal meanings and their that task was to create the experience of their own immutability (Yurchak 2006). The method of mimetic critique became particularly widespread among informal artists, musicians, and other members of such circles. Central to this method was the aesthetic principle of *overidentification* with ideology – the exact replication of the *form* of ideological symbols and enunciations, with a major shift in the meaning that they conveyed. This method had a few advantages over direct opposition to the system. First, the state could easily identify and isolate any oppositional discourse as anti-Soviet, while recognizing the discourse of over-identification as a form of opposition was difficult by definition. Second, this approach did not require one to reject all things Soviet as immoral, which allowed one to conduct the critique of Soviet ideology without automatically critiquing the communist project as such.

In the 1980s, mimetic critique was practiced by many famous representatives of informal artistic communities, from Prigov and Kuryokhin, to Mi'ki and the Necrorealists. It was also widespread in Eastern Europe. Arguably, however, this method acquired its purest form in the work of two musical groups – Laibach from Ljubljana (Slovenia) and AVIA from St Petersburg. The conceptual and aesthetic parallels in the work of these bands are quite impressive, especially considering that they never cooperated or even interacted. Laibach and AVIA were not just rock bands but multi-media projects that investigated the relationship between ideology and art. Indeed, AVIA preferred to call themselves “the laboratory for the study of ideology”, and Laibach belonged to the “Department of pure and applied philosophy” of the Neue Slowenische Kunst (NSK) art movement. The method of mimetic critique in their art developed in the late 1980s, during the period of Soviet Perestroika. However, the first examples of this method in both cases date back to the early 1980s. It was at that time that Laibach released its first cover-version of the then popular song *Life Is Life* by the Austrian band Opus. Laibach slightly changed the song. The final verse of the original song went like this: «And you call when it's over, you call it should last. Every minute of the future is a memory of the past. 'Cause we all gave the power, we all gave the best. When everyone gave everything and every song everybody sings, life is life!». Laibach rewrote this text as follows: «And we are all glad it's over, we thought it would last. Every minute of the future is a memory of the past. 'Cause we gave all the power, we gave all the best. And everyone lost everything and perished with the rest, life is life!». What sounded like a light, euphoric number celebrating common joy and happy togetherness turned into a maniacal anthem calling for the ultimate sacrifice in the name of a common idea. Laibach did not so much change the original as emphasized its message, highlighting the totalitarian basis of all mass culture, with its mythology of folk roots and national unity, and its ecstatic mass appeal.

In 1984, the band Strange Games, three members of which later organized AVIA, recorded its own cover-version of a popular European hit, *Felicità*, by Italians Al Bano and Romina Power, which Soviet television frequently played in its entertainment programs. The cover-version of the song sounded like a cross between avant-garde jazz and a spy-movie soundtrack. The only word remaining from the original text, «felicità», was sung slowly, pompously, in a low electronic voice. Like in the previous example, this absurdly ironic version exposed an underlying ideological principle of mass culture: a mindless tune about love and happiness sung in non-threatening Italian (as opposed to dangerous English associated with rock'n'roll) was perfectly suited to Soviet television, revealing common totalitarian roots of commercial and ideological mass culture.

When AVIA was formed in the mid 1980s they further refined the mimetic method of

critique. In the beginning of the show the band's front man shouted a series of what sounded like recognizable Soviet slogans: «Earn it and receive it!», «Nominate and elect!», «Be ready!», «Care for the main thing!». Taken out of the everyday context these slogans sounded impressive and utterly absurd. This was at once a fierce satire of the dying Soviet system and a nostalgic tribute to its forgotten ideals, which is why the program was called “Forward to the One Thousandth Anniversary of the Great October!” In the song “Lullaby” the unfulfilled utopia of the Bright Future is treated with irony and naïve, child-like tenderness. This is obvious in the music (the lullaby gradually transforms into march) and in the text: “The fanfare will sound, and the sun will shine, and time will forever stop. The gardens will bloom, the icebergs will melt, and water will leave every swamp. There'll be fireworks, music, eternal bliss, our life will be happy and light! This will happen tomorrow, I promise you this, if at first you will sleep tonight.”

Central to every AVIA show was an extremely elaborate stage presentation, with multiple props, flags, podiums, backdrops, collective marching, pyramids of the “AVIA physical exercise group,” etc. Before every show the audience waiting in the foyer could hear “The rules of behavior for the theatrical event of the AVIA collective” loudly played through the PA system. The rules instructed the audience in bureaucratic Sovietese what it could and could not do during the concert. If spectators liked some song they had to refrain from random clapping and instead had to stand up in their place and shout hurrah. If they liked a song particularly much they had to organize other people in their row of seats to stand up and march as a group in orderly fashion, while shouting triple hurrahs. And so on. When in Spring of 1989, the rules of behavior were played in English before the AVIA concert in *Queen Elizabeth Hall*, the respectable London audience happily went along with the suggested behavior and shouted hurrahs all evening. The irony that dominated these shows was directed not only at the communist system, but also at the growing tendency to trivialize it as a system of totalitarian automatons or the “Evil Empire.” This is why both AVIA and Laibach drew much inspiration from the art and philosophy of the early Soviet period, when the ethos of sincerity and experimentation was still strong. In 2002, the former leader of AVIA, Nikolai Gusev remembered: «Balancing between irony and genuine fascination is what has always interested me most. I want to avoid the situation, where my stuff could be interpreted ‘straight’, unambiguously. ... In AVIA there was the same kind of fine balance. We never wanted to parody anything, even though many saw us as anti-Soviet satire. I have always been very interested in the avantgarde of the 1920s, which is for me on par with punk rock of the more serious and fine varieties designed to tear down the walls. The Soviet avantgarde of the 20s, Constructivism, El Lissitzky and so on were a huge breakthrough, a heavy blow on a hammer.”

Laibach also drew heavily on early Soviet avant-garde (especially the art and writings of Malevich), often mixing it with the symbols that looked “fascist” without necessarily being fascist. The task of this mixing was neither to promote nor criticize fascism as such, but to show that any kind of totalitarian symbolism – from fascist uniforms, to communist slogans, to corporate brands – always functions in the same fashion: it describes not the surrounding reality but itself, drawing the masses into this process. One important feature of the mimetic critique of ideology is that it often leads to diametrically opposed interpretations. Indeed, both bands have been sometimes accused of promoting fascism and sometimes celebrated as ingenious anti-fascists, ridiculed as communist sympathizers, associated with aggressive anti-communism, and so on. This ambivalence and impossibility of knowing what the author “really thinks” was an important political outcome of this critical method. As Slavoj Žižek observed, those intellectuals who ponder over the question, *what do the members of Laibach really think?*, miss the point that “Laibach itself does not function as an answer but a question.” The same is true about AVIA. By making its audience wonder what to make of their acts or by forcing it to disagree over interpretations, these bands make visible the fact that ideology operates on a much deeper level than we normally think, and that direct opposition to this or that ideological statement may turn out to be just another element in the same ideological system. In other words, instead of accusing Laibach of employing “fascist” symbols one may wonder to what extent they function like other symbols -- communist slogans or corporate brands -- which members of Laibach's audience themselves constantly reproduce. Similarly, in today's Russia one may consider Putin's anti-liberal regime as the opposite of liberal market economy, or, alternatively, one may consider both these regimes as two elements of the same problem -- as two manifestations of global state-corporate capitalism. After the implosion of state socialism around 1990, and during the period of aggressive market reforms in the following decade, both bands tried to adapt their artistic approach to new conditions. *Laibach* issued several albums with telling titles: “Kapital” (1992), “NATO” (1993), “Occupied Europe” (1996), trying to apply mimetic critique to the post-communist situation. In an interview in the Slovenian youth magazine *Mladina*, which was conducted in Laibach's recognizable style, members of the group announced that corporate “democracy is just a euphemism for developed totalitarianism”. In order to avoid any totalitarian inequality they proposed to create an authoritarian *NSK State*, in which subordination would be total and therefore equal: «Democracy is a system exercising the subordination of the minority to the majority, in Communism the reverse is true, whereas the *NSK State* is an all-embracing alloy in which subordination is the universal imperative of common happiness”. Similar statements were made at the time by the conceptual leader of AVIA, Nikolai Gusev, who called for the creation of a utopian authoritarian state: “I am a totalitarianist ... and a monarchist,” declared Guzev.

These statements could be characterized as familiar mimetic critique of all kinds of new totalitarianisms, from the corporate market version to the nationalist response to it. However, the post-communist situation was certainly profoundly different, and despite all attempts to adapt one's aesthetics, the bands' relevance rapidly diminished. In the early-1990s, AVIA decided to cease its experiments. Although Laibach proved more resilient and continues recording albums even today, their revolutionary aura and relevance are long gone.

In the post-communist period both bands found themselves in the position of “vanishing mediators” – those actors, who actively contributed to creating conditions for the change, but lost their ability to conduct relevant commentary when the change arrived. What is the reason for this shift? Perhaps mimetic critique is no longer relevant today? Indeed, this method seems particularly important during periods when regimes are imploding and epochs are changing, and perestroika, unlike the current situation, was certainly such a period. However, the apparent absence of mimetic critique in Russia today does not mean that this critical method is equally irrelevant in the broader global context. It is telling that today mimetic critique is increasingly employed in US media and political art – from the popular TV shows *Daily Show With Jon Stewart* and *Colbert Report*, to the series *South Park*, to political art group *The Yes Men*. Perhaps in today's authoritarian Russia this critical method may resurface in the sphere of media (Live Journal, flash mob, etc?); perhaps it will engage state-corporate ideology from a much broader, global perspective. But this is a topic for a different essay.

Alexei Yurchak is Associate Professor of Anthropology at University of California, Berkeley. He is the author of *Everything Was Forever Until It Was No More: The Last Soviet Generation* (Princeton University Press 2006 - Winner of 2007) His other papers are available at <http://anthropology.berkeley.edu/yurchak.html>

любви и счастье на безобидном итальянском языке (а не страшном английском в стиле рок-н-ролла) вполне подходит идеологическому советскому телевидению начала 80-х, выдавая схожесть тоталитарных корней различных видов массовой культуры. С преобразованием части Странных Игр в АВИА критический метод группы становится изощреннее. В концертной программе 89-го года фронт-мэн АВИА торжественным голосом выкрикивает серию лозунгов: «Заработал – получи!», «Выдвигать и выбирать!», «Быть наготове!», «Заботиться о главном!» Выхваченные из контекста советской жизни они звучат торжественно и абсурдно. Это одновременно ирония по поводу умирающей системы и ностальгический гимн ей. Недаром программа названа «Навстречу Тысячелетию Великого Октября!» В песне «Колыбельная» несбытывая утопия будущего оказывается объектом иронично-трогательного, почти детского разговора. Проявляется это и в музыке (колыбельная переходит в марш) и в тексте:

Будет гром фанфар,
Будет солнца жар,
Время навсегда замрёт.
Зацветут сады и расстанут льды,
Из болот вода уйдёт.
Фейерверки звёзд и восторг до слёз,
Будет всё как у людей!
Будет всё, ей-ей,
Засыпай скорей.

Большое место в творчестве АВИА занимает сложная сценография, подиумы и флаги, торжественная декламация и пирамиды физкультурной группы. Перед началом выступления в фойе звучат «Правила поведения на концертных мероприятиях коллектива АВИА», которые бюрократическим советским языком предписывают зрителям, что следует и чего не следует делать во время концерта. Если вам нравится песня следует не аплодировать как попало, а встать и осуществить маршировку на месте; если песня понравилась особенно сильно, следует организовать совместную маршировку на месте всего ряда, выкрикивая троекратное ура, и т.д. Весной 1989-го эти правила звучали по-английски в лондонском Queen Elizabeth Hall, и следует отметить, что лондонская публика с упоением подчинилась и весь вечер выкрикивала троекратные ура. Ирония пропитывавшая эти выступления направлена не только против «системы», но и против упрощенного к ней отношения, против тенденции сужать коммунистический проект до тривиальной «империи зла». Именно поэтому АВИА, как и Laibach, черпают вдохновение в искусстве и философии раннего советского периода, с их искренностью и экспериментаторством. В 2002-м году бывший идейный руководитель АВИА Николай Гусев вспоминает: «Мне всегда было интереснее балансировать между иронией и уважительным отношением. Я стараюсь избегать ситуаций, когда то что я делаю можно интерпретировать недвусмысленно, напрямую. ... В АВИА мы тоже старались поддерживать тонкий баланс. Нам было неинтересно просто что-то пародировать, хотя кому-то казалось, что мы заняты анти-советской сатирой. Меня лично всегда интересовал авангард 20-х годов. В своём стремлении сломать стены он похож на самые интересные и серьёзные проявления панк рока. Советский авангард, конструктивизм, Эль Лисицкий и другие – всё это было невероятным прорывом вперед, сильнейшим ударом молота». У группы Laibach ранний советский авангард (особенно Малевич) перемешан с символикой, напоминающей фашистскую. Задача группы не в пропаганде или критике фашистских символов, а в том, чтобы показать, что любая тоталитарная символика – фашистская форма, коммунистические лозунги, корпоративные брэнды – функционирует схожим образом, описывая не окружающую реальность, а саму себя и вовлекая массы в этот процесс. Мимическая критика идеологии может вызывать недоумение, подозрение и прямо противоположные интерпретации. Творчество обеих групп не раз характеризовали как пропаганду фашизма и анти-фашизма, коммунизма и анти-коммунизма и т. д. Эта мешанина является важным политическим результатом критического метода. Жижек отмечает, что те представители интеллигенции, которых волнует вопрос, что же группа Laibach думает на самом деле, попросту не понимают, «что эта группа сама функционирует не как ответ, а как вопрос». Это относится и к группе АВИА. Заставляя свою аудиторию сомневаться, разделяться во мнениях и т.д. они обращают ее внимание на то, что идеология действует гораздо глубже, чем нам кажется, и что

прямое противопоставление тому или иному идеологическому высказыванию может на поверку оказаться всего лишь частью всё той же идеологической системы. Например, вместо того, чтобы обвинять Laibach в использовании «фашистской» символики, можно задуматься о том, насколько эта символика напоминает лозунги коммунистической Югославии или корпоративно-рекламные брэнды, которые члены аудитории сами постоянно воспроизводят. Или другой пример - в современных условиях можно противопоставлять антилиберальный путинский режим режиму либерально-рыночной демократии, а можно оба режима увидеть, как часть единой проблемы, как проявления глобального корпоративно-государственного капитализма.

После обвала государственного социализма, в контексте агрессивных рыночных реформ в 1990-е годы обе группы пытаются продолжить метод мимической критики. Laibach выпускает пластинки «Капитал» (1992), «НАТО» (1993), «Окупируемая Европа» (1996), пытаясь приложить мимическую критику к пост-коммунистической ситуации. В интервью журналу Младина, выдержанному в знакомой эстетике, группа заявляет, что корпоративная «демократия является лишь эвфемизмом для обозначения развитого тоталитаризма». Для того чтобы избежать любых видов тоталитарного неравенства они предлагают создать утопическое Государство NSK, в котором подчинение будет всеобщим, а значит равным: «Если демократия строится на подчинении меньшинства большинству, а коммунизм - на обратном принципе, то Государство NSK – это система, в которой подчинение является всеобщим и универсальным императивом тотального счастья». Идейный руководитель АВИА Николай Гусев делает схожие заявления, призывая создать государство утопического авторитаризма. Однако, ситуация явно изменилась. Несмотря на эти попытки продолжить работу в знакомой эстетике, актуальность обеих групп в 1990-х годах резко падает, а рыночная идеология, как и националистические идеи, завоевывают широкую аудиторию. В середине 90-х АВИА прекращает свой эксперимент. Группа Laibach оказывается более живучей и продолжает выпускать пластинки, однако ее революционный ареол и актуальность давно потеряны. Итак, в пост-коммунистический период обе группы оказываются в роли «исчезающих посредников» (vanishing mediators) – тех, кто принял активное участие в создании условий для перемен, но с их наступлением потерял способность осуществлять актуальную критику идеологии и влиять на происходящее. В чем причина этой потери актуальности? Возможно мимическая критика сегодня более не важна? Действительно, этот метод остро востребован в периоды, когда рушатся режимы и меняются эпохи. Перестройка была таким периодом. Однако, слабость мимической критики в сегодняшнем российском контексте не означает ее неактуальности в глобальном контексте, где процессы режимной перестройки продолжают полным ходом. Показательно, что именно сегодня этот вид критики стал быстро нарастать в Соединенных Штатах, особенно в медийной сфере - в теле-передачах *Daily Show With Jon Stewart* и *Colbert Report*, сериале *South Park*, политическом активизме группы *The Yes Men* и т.д. Возможно и в сегодняшней авторитарной России этот критический метод возродится если предложит критику государственно-корпоративной идеологии в глобальном контексте. Но это уже тема отдельной статьи.

печатается в редакторском сокращении - полная версия на сайте “Что Делать?”

Алексей Юрчак, родился в Ленинграде, сейчас профессор антропологии в Университете Каролины. Он автор книги «Все было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» «Everything Was Forever Until It Was No More: The Last Soviet Generation» (Princeton University Press 2006 - Winner of 2007) Его статьи доступны на сайте <http://anthropology.berkeley.edu/yurchak.html>

Здравомыслова Елена / Перестройка и феминизм Elena Zdravomyslova | Perestroika and Feminism

“Я рано научилась говорить “нет”. Назвать себя феминисткой - все равно, что сказать “нет” этому обществу.” (из серии интервью, информант - Н.Б.)

Большинство считает, что феминизм в Россию пришел с Запада, что отечественной культурной и политической почвы для него не существует. Но это не так. Российский феминизм — это просто непопулярное интеллектуальное и культурное движение, которое все же имеет собственную повестку дня и - мало того- прерванные отечественные традиции. Интеллектуально и политически современный российский феминизм начал формироваться именно в перестройку. Хотя и до этого в советском научном сообществе были специалисты по феминистской теории, социологи изучали проблемы неравенства полов и сексуальную эмансипацию, а в самиздате были опубликованы рассказы и очерки российских феминисток альманаха «Женщины и Россия» (1979). Но Перестройка позволила кристаллизоваться феминистскому сознанию в России.

Перестройка - короткий и такой событийно и эмоционально интенсивный период в общественной жизни. Всего шесть лет, а то и меньше — счастливого времени российской интеллигенции, надежд и прямого участия, тяжелого выживания - карточек и талонов, самогона и выборов. Динамизм, искренняя вовлеченность и насыщенность российской общественной жизни — главный вызов и главное послание того времени нашему. Живое время, когда надежда на демократические перемены заставила отступить страх за собственное существование. Очевидно «историческое». Очевидно романтическое! Один из тех редких периодов в российской политической истории, когда в этой стране жить не стыдно.

Осмысливая опыт перестройки, мы конструируем традицию, связываем настоящее с прошлым, указываем на тенденции преемственности в идеях, чувствах и действиях, и стараемся провидеть будущее. Моя задача в этой статье увидеть в перестройке то, чего многие даже не заметили — возникновение российской феминистской критики, с ее критическим запалом, направленным не только на российское политическое устройство, но и на всю российскую гендерную культуру.

Исследователи выделяют 1989-1991 годы как подготовительный латентный период возникновения российского феминистского активизма. На излете массовой мобилизации, возникли женские организации, небольшие феминистские группы и гендерные центры. Инициатива шла из академических верхов, которые хотели соответствовать западным стандартам передовой науки. Первичная кристаллизация феминистского сознания происходит именно в период с 1988 по 1990 годы. В итоге в 1991 вновь организованный центр Московский Центр гендерных исследований собрал Первый Независимый Женский форум (1991), в организации которого приняли участие феминистки группы САФО, женсовет Объединенного Института ядерных исследований г. Дубна. Многозначительный лозунг «“Демократия минус женщина - не демократия” тогда звучал для российской общественности как-то надуманно. Однако в форуме приняли участие около 200 человек из 48 организаций различных регионов страны и 26 иностранных гостей. В итоговом документе признано существование в России дискриминации по признаку пола. Одним из важнейших практических результатов Форума стало создание Женской информационной сети (ЖИСЕТ), позволившей объединить женщин из самых отдаленных уголков страны.

Многие будущие феминистки активно участвовали в демократическом движении периода перестройки. Для молодых женщин именно возможности перестройки открыли ту привлекательную среду, которая оказала решающее влияние на развитие их феминистских взглядов. Это было время, когда полуподпольные, диссидентствующие контркультурные и интеллектуальные сообщества вышли из своих чуланов и салонов на улицы города, в медиапространство и получили признание. Появились возможности быть услышанным и появилось многое, что хотелось сказать.

И для некоторых женщин это было новое и ясное осознание дискриминации вообще и сексизма. Для многих Перестройка стала тем психологическим контекстом, который способствовал осознанию гендерного неравенства в обществе в целом и по отношению к себе, в частности. Многие из наших информанток долгое время придерживались расхожих представлений о женском и мужском предназначении, о судьбе, об априорном мужском интеллектуальном превосходстве. Диапазон их самооценок распространялся от жертвенного самоуничтожения в служении настоящим мужчинам — до фрустраций непризнанных гениев. Однако во время перестройки, когда появились возможности для самореализации в профессиональной и в политической сфере, чувствительность активных людей в отношении прав личности и собственного достоинства усилилась. Дискриминирующие практики стали вызывать у будущих феминисток личностный протест. Если в застойное время они готовы были мириться с повседневным сексизмом, игнорируя его или делая предметом снисходительных насмешек в своем кругу, то в новых условиях такая позиция стала для них неприемлемой. Двойной стандарт и лицемерие в отношениях особенно остро чувствуется (простите за пафос!) в борьбе за общее дело.

Феминистки проявили чувствительность не только в отношении себя лично, но и в отношении других социальных категорий, испытывающих на себе унижения и исключение. Они с самого начала обратили внимание на сконструированность категории женщины вообще — на различия проблем, с которыми сталкиваются женщины, принадлежащие к разным культурам, разным социальным и экономическим классам, разным возрастным группам и разным сексуальным ориентациям. «Двойной стандарт в публичной сфере, лицемерие и хамство — вот что ненавистно, честно говоря. Говорят, что демократы, а сами разводят холуйство и домострой», говорит в 1996 г. наша информантка Л. о некоторых новых политических лидерах....

Феминистки первыми обратили внимание на особенности мужской дискриминации в России, связанной, прежде всего с гендерной поляризацией гражданства, с прохождением мужчинами обязательной военной службы. Вторая составляющая мужской дискриминации — это выдавливание мужчин из семьи, исключение проблемы баланса работы и дома для мужчины. Эта проблема существует у нас до сих пор только для женщин. Не только столкновение с бытовым сексизмом в общественных местах, но и политический контекст стимулировал рост феминистского сознания. Именно в период перестройки Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев выдвинул программу облегчения женской двойной нагрузки путем возвращения женщин к естественному предназначению, возвращению в лоно семьи (тоже своего рода эмансипация!), а чуть позднее министр труда Г.Меликян высказывал сомнения в необходимости занятости женщин до тех пор, пока всем мужчинам не будет гарантирована работа.

Феминистская критика возникла, во-первых, в академии, а во-вторых, в рамках новых гражданских инициатив. Ее субъекты внесли в российский дискурс новые категории (гендер, гендерная экспертиза, сексизм, сексуальное домогательство) и поставили под сомнение устоявшиеся представления о мужественности и женственности в их советской оболочке, помогли понять суть перформативного гендера и неясного культурного подавления. Естественные союзники феминистской критики — все социально исключенные группы, все умалчиваемые интересы, все, что заглушается барабанами наступательного российского державного национализма. «Методология феминистской критики представляет собой “подрывное чтение текстов”, которое обнажает сконструированность и идеологическую подоплеку тех половых иерархий и различий, которые привычному (патриархатному) взгляду представляются естественными и неизменными» (Савкина 2007). В период перестройки феминистская критика сосредоточилась на двух основных

“I learned to ‘say no’ early in life. And calling oneself a feminist is equivalent to saying no to this society.” (from a series of interview made for sociological research)

Most people believe that feminism came to Russia from the west, that there is no native political and cultural ground for it. But this is not the case. Rather, Russian feminism is simply an unpopular intellectual and cultural movement, which nevertheless has its own agenda and, moreover, its own discontinuous native traditions. Contemporary Russian feminism began to take shape, both intellectually and politically, during perestroika. Although before this time there were also specialists in feminist theory in the Soviet academic community. Sociologists studied the problems of gender inequality and sexual emancipation, and the stories and essays of Russian feminists collected in the anthology *Women and Russia* (1979) were published in samizdat. But it was perestroika that enabled the crystallization of feminist consciousness in Russia. Perestroika was a short, eventful, emotionally intense period in the life of society. A mere six years, or even less: this was a happy time for the Russian intelligentsia, a time of hope and direct participation, and also a time of survival—of food stamps and vouchers, bootleg liquor and elections. Dynamism, sincere involvement, and a rich public life—this is the principal challenge and the principle message of that time to our own. It was a lively time, when the hope of democratic reform forced us to give up fear for our own existence. It was clearly “historical.” And clearly romantic! It was one of those rare periods in Russian political history when it wasn’t shameful to live in this country. By making sense of the perestroika experience, we construct a tradition, connect the present with the past, indicate the continuity of ideas, feelings, and actions, and attempt to foresee the future. My task in this article is to detect in perestroika something that many people didn’t even notice—the emergence of Russian feminist criticism, whose critical fervor was aimed not only at the Russian political system, but also at Russian gender culture as a whole. Experts single out the years 1989–1991 as the preparatory, latent period in the emergence of Russian feminist activism. As mass mobilization was on the decline, women’s organizations, modest-sized feminist groups, and gender centers appeared. The initiative came from the academic upper crust, which wanted to be in step with western standards of progressive scholarship. The initial crystallization of feminist consciousness occurred precisely in the period between 1988 and 1990. As a result, in 1991 the newly organized Moscow Center for Gender Studies summoned the First Independent Women’s Forum, which was organized in part by feminists from SAFO (Free Association of Feminist Organizations) and the Women’s Council of the Dubna United Institute of Nuclear Research. At that time, the forum’s charged slogan—“Democracy minus women isn’t democracy”—had a far-fetched ring for the Russian public. However, approximately two hundred delegates from forty-eight organizations representing different regions of the country participated in the forum, as well as twenty-six foreign guests. The forum’s concluding communiqué recognized the existence of gender discrimination in Russia. One of the most important practical results of the forum was the creation of the Women’s Information Network (ZhISET), which helped connect women from the most distant corners of the country.

Many future feminists actively participated in the democratic movement of the perestroika period. For young women, the opportunities introduced by perestroika created the attractive environment that decisively influenced the development of their feminist views. This was a time when the semi-underground and semi-dissident counterculture and intellectual communities came out from their back rooms and salons onto the city streets and into the media landscape, and achieved recognition. Suddenly, there was an opportunity to be heard, and there was a lot to say. For some women, this change afforded them a new and clear perception of discrimination and sexism in general. For many, perestroika was the psychological context that caused them to become conscious of gender inequality, both in society as a whole and in relation to themselves in particular. Many of our informants had long subscribed to stereotypes regarding male and female predestination, and *a priori* male intellectual superiority. The self-evaluations they presented ranged from sacrificial self-abasement in service to “real men,” to the frustration of unrecognized geniuses. However, during perestroika, with the emergence of new opportunities for self-realization in both the political and professional arenas, energetic people became more sensitive about individual rights and their own self-worth. Discriminatory practices began to provoke a sense of personal protest among future feminists. If, during the “stagnation” of the Brezhnev period, they had been prepared to make peace with everyday sexism, ignoring it or making condescending jokes about it within their own circles, under the new conditions they found this position completely unsupportable. Double standards and hypocrisy in personal relationships became acutely painful (excuse my pathos!) in the fight for the common cause. The feminists manifested their sensitivity to gender issues not only in relation to themselves, but also in relation to other social groups who experienced humiliation and exclusion. From the very beginning, they called attention to the constructedness of the category of woman in general—and to the variety of problems facing women of different cultures, different social and economic classes, different age groups and sexual orientations.

“This double standard in the public sphere, this hypocrisy and boorishness, that is what is hateful, honestly speaking. They say they’re democrats, but they themselves are cultivating subservience and patriarchy in the home,” said L. about certain new political leaders. Feminists were the first to call attention to the nature of male discrimination in Russia, which was connected, first and foremost, with the gender polarization of citizenship, with the fact that men were obliged to serve in the military. The second component in male discrimination was the exclusion of men from the family, the fact that they didn’t have to balance careers and domestic work. To this day, this problem exists only for women in Russia.

It was not only the clash with everyday sexism in new environments that stimulated the growth of a feminist consciousness, but also the political context. It was during perestroika that General Secretary Mikhail Gorbachev proposed a program to ease women’s double burden by returning them to their natural calling, to the bosom of the family. (This is also a form of emancipation!) A few years later, the minister of labor, Gennady Melikyan, voiced his misgivings about the necessity of women’s employment at a time when not all men were guaranteed a job. Feminist criticism emerged in academia and within the new civic initiatives. Its subjects introduced into Russian discourse new categories (gender, gender expertise, sexism, sexual harassment) and called into question the Soviet versions of well-established notions about masculinity and femininity. They helped us understand the essence of gender performativity and hidden cultural pressures. The natural allies of feminist criticism are all socially excluded groups, all silenced interests, all those people whose voices are drowned out by the drums of aggressive Russian great-power nationalism.

The methodology of feminist criticism represents a “subversive reading of texts that lays bare the constructedness and ideological agenda of those gender hierarchies and differentiations, which, from the customary (patriarchal) point of view, are seen as natural and immutable” (Savkina). During perestroika, feminist criticism focused on two basic themes: the deconstruction of Soviet gender structure and the analysis of the gender consequences of glasnost-era reforms and democratization.

In criticizing Soviet gender structure, feminists partly closed the ranks with late-Soviet liberal critical discourse, which also raised doubts about the “success” of the modernist Soviet gender project. Liberals had been discussing the crisis in masculinity, the masculinization of women, and the double burden of women since the late sixties. The first feminists argued forcefully against the hypocrisy of the Soviet declaration that the

Businessman: We got too carried away with pursuing the private ends and profits that suddenly beckoned on the horizon, and now we're reaping what we sowed.

woman question had been resolved, and showed how these public statements were not supported either by the facts of politics or by the facts of everyday life. They showed how the Soviet state had created two, gender-differentiated categories of citizens (Soviet men and Soviet women.) Feminists argue that the state's construction of gender-based citizenship created the framework for differentiating between male and female life strategies. Soviet gender structure was overdetermined as a state (i.e., public) patriarchy, as a dual mobilization of women (productive and reproductive) into service to the state, combined with a role-mobilization of men. Researchers came to the conclusion that, despite the declaration of sexual equality, Soviet society had formed a gender-polarized citizenship that was reinforced, for women, by the compulsory "socialist contract of the working mother" and, for men, by their status as "defenders of the fatherland." Gender polarization and political mobilization were ideologically naturalized in the concepts of patriotic duty and the natural callings of men and women. Many people interpreted the liberal reforms as an emancipation (liberation) that presumed the abolition of the Soviet gender contract. Feminist deconstruction showed that the resistance to Soviet gender politics had been liberal-patriarchal in character—hence the pronounced nostalgia for "authentic manliness" and "true femininity" among first-wave Russian democratic politicians. The entire democratic discourse was united in its negative attitude towards the Soviet gender project. The ideologies of gender transformation were, however, varied. In a 1989 article published in the journal *Kommunist*, "How We Will Solve the Woman Question," Posadskaya, Rymashevskaya and Zakharova write: "Both in theory and in practice, one important aspect remains untouched: it is not only women that we must emancipate. Emancipation is, at minimum, a two-way process. For both men and women, the spheres from which they have been excluded must be opened: for women, the sphere of production; for men, the home and the family."

Feminist criticism was from the very start sensitive to such "normal" phenomena (from the point of view of our society) as the removal of women from the new political institutions; appeals to ease women's burden by returning them to their natural duties as mothers and wives; the aggressive sexualization of the female image; pornography and sex trafficking; and discrimination in the workplace.

Analyzing the cultural tendencies exposed by perestroika, Tatyana Klemenkova writes, "It's funny, but even today it goes unnoticed that in the manifestoes of the numerous newly formed political parties, alongside the claim that the individual has a right to freely pursue his own interests, it is often stated on the very next page: 'Women should at last be returned to the family.' It's incredible but true: our 'cultural public' isn't aware that such formulas obviously and naively contradict the beautiful words about freedom and personal development."

Russian feminist criticism had already, during perestroika, revealed the gender aspect in the conflict between the principles of liberty and equality. It showed how, in their Russian incarnation, the rhetoric and politics of freedom justified aggression and violent conflict resolution, and affirmed a brutal masculinity and a sexualized and similarly aggressive femininity. In everyday life, freedom was figured as a condition in which everything was permitted and the weak were oppressed. Freedom was imagined as a demonstration of power (rudeness and boorishness) and a return to origins (which had never been associated with the principles of liberty and equality.) During perestroika, the voice of feminist criticism was a voice of hope and apprehension. It warned of a cultural crisis and of the replacement of democracy and liberty by gender stereotypes. It anticipated the rehabilitation of masculine and feminine as natural categories, and the return to the traditions of role-polarization and *a priori* male dominance. But, thank you, feminism! Thank you, perestroika! Thank you for the fact that we can now be conscious of this and speak out.

Elena Zdravomyslova is a professor in the gender studies program at the European University (Saint Petersburg), and project coordinator at the Center for Independent Sociological Research. This article is based on an analysis of interviews conducted by the author in 1995–96, and on material gathered during joint research (with Anna Temkina) for the project "The Institutionalization of Gender Research in Russia."

темах: деконструкции советского гендерного порядка и анализе гендерных последствий реформ гласности и демократизации. Критикуя советский гендерный порядок, феминистки частично смыкали ряды с либеральным критическим дискурсом позднесоветского времени, который то же выражал сомнения по поводу «успешности» советского модернистского гендерного проекта, обсуждая с конца 1960-х годов кризис мужественности, маскулинизацию женственности и двойную нагрузку женщин. Первые феминистки аргументировано выступили против лицемерия советской декларации о решенности женского вопроса и доказали, что публичные заявления не соответствуют ни политике, ни повседневности советского гендерного устройства. Они доказали, что советское государство создавало категории советских граждан, различаемых по признаку пола (советских мужчин и советских женщин). Феминистки утверждают, что государственное конструирование гендерного гражданства создавало рамки для различий мужских и женских жизненных стратегий. Советский гендерный порядок был переопределен как государственный (публичный) патриархат, как период двойной (производительной и репродуктивной) мобилизации женщин на службу государственных интересов и ролевой мобилизации мужчин. Исследователи пришли к выводу, что несмотря на декларацию равенства полов, в советском обществе сформировано гендерно поляризованное гражданство, закрепленное навязанным «социальным контрактом работающей матери» для женщин и «защитника отечества» для мужчины. Гендерная поляризация и политическая мобилизация идеологически натурализуется в понятиях гражданского долга и естественного предназначения мужчин и женщин. Либеральные реформы многими осмысливались как эмансипация (освобождение), предполагающая разрушение советского гендерного контракта.

Феминистская деконструкция показала, что сопротивление советским гендерным политикам носило либерально-патриархальный характер. Отсюда такая выраженная ностальгия по «настоящей мужественности» и «истинной женственности» у российских демократических политиков первой волны. Весь демократический дискурс объединился в негативном отношении к советскому гендерному проекту. Однако идеологии гендерной трансформации были различными. В своей статье «Как мы решаем женский вопрос», опубликованной в «Коммунисте» в 1989 году Посадская, Рымашевская и Захарова пишут: «И в теории, и в практической деятельности остается незатронутым важнейший аспект: нельзя эмансипировать только женщину. Эмансипация - процесс, как минимум, двусторонний. Для мужчины и женщины должны быть раскрыты сферы, из которых они оказались вытесненными:

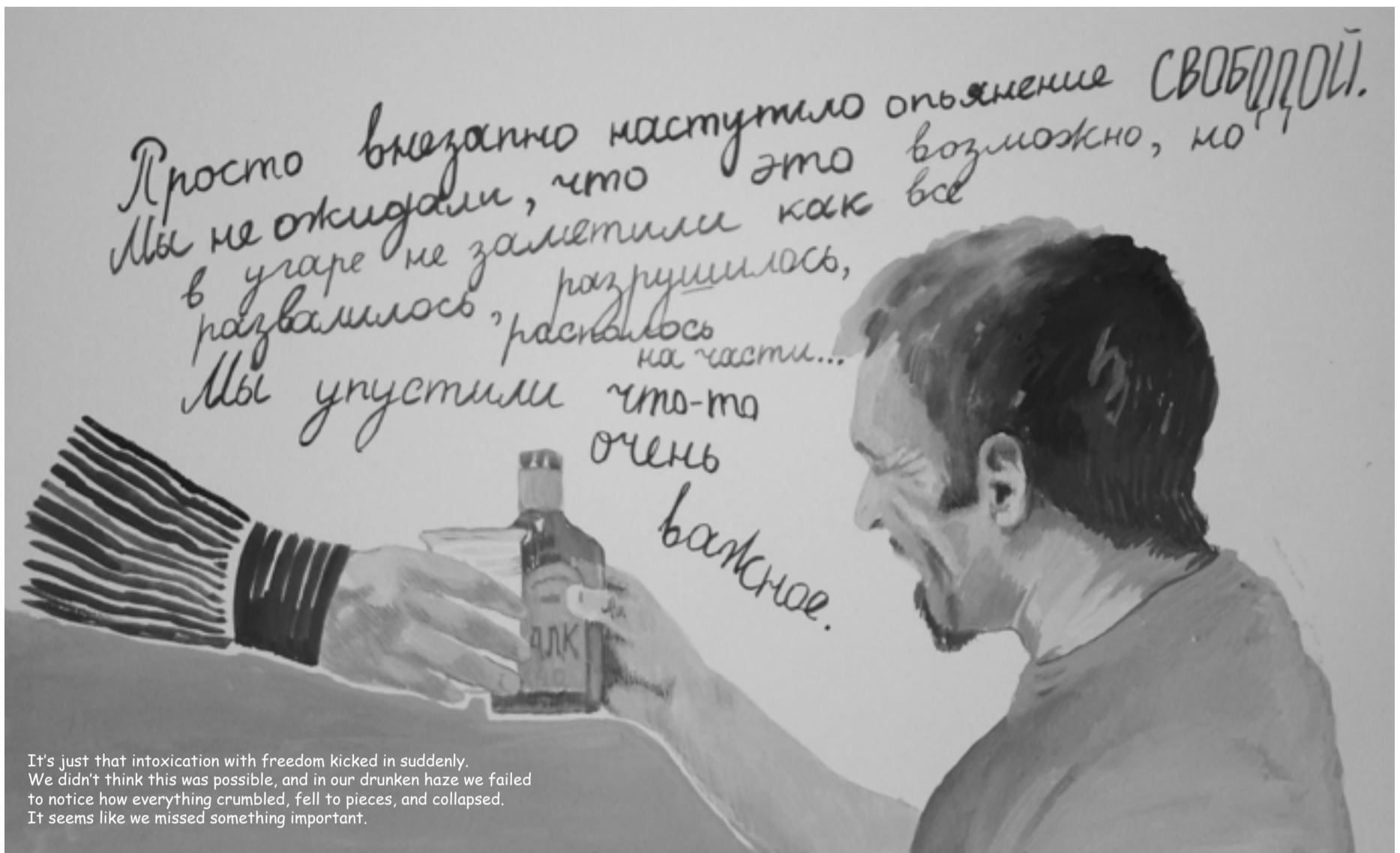
общественного производства - для женщины и дома, семьи - для мужчины». Феминистская критика оказалась изначально чувствительна к таким «нормальным» для взгляда нашего общества как: вымывание женщины из новых политических институтов, призывы облегчить женскую долю с помощью возврата к естественному долгу матери и жены, агрессивной сексуализации женского образа, порнографии и торговле женщинами и дискриминации на работе. Анализируя культурные тенденции, обнаженные Перестройкой, Татьяна Клименкова пишет: «Это смешно, но до сих пор проходит незамеченным, что в манифестах многочисленных новых политических партий рядом с требованием предоставить личности право свободно развивать свои возможности, часто буквально на следующей же странице написано: "женщина, наконец-то, должна быть возвращена в семью". Невероятно, но - факт: наша "культурная общественность" не хотела отдать себе отчет в том, что такие формулировки явно и наивно противоречат прекрасным словам о свободе и развитии личностных возможностей...» (Клименкова 1996).

Российская феминистская критика уже в Перестройку обнажила гендерный аспект конфликта принципов свободы и равенства. Она показала, что риторика и политика свободы в российском варианте содержит в себе риторику агрессии, силового решения проблем и утверждения брутальной мужественности и сексуализированной и тоже агрессивно-наступательной женственности. Свобода предстала в повседневной жизни как вседозволенность и подавление слабых, свобода как демонстрация силы (грубости и хамства) и возвращение к истокам (которые никогда не были связаны с принципами свободы и равенства).

Голос феминистской критики периода перестройки - это голос надежды и опасения. Предупреждение о культурном кризисе и подмене демократии и свободы гендерными стереотипами - реабилитации природы мужского и женского и возвращению к традициям ролевой поляризации и априорного мужского превосходства.

НО - Спасибо феминизму! Спасибо Перестройке! За то, что мы можем сейчас это ясно осознать и высказать.

Елена Здравомыслова - профессор программы гендерных исследований, Европейский университет (Санкт-Петербург), координатор проектов Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). Статья основана на анализе интервью, взятых автором в 1995-6гг и материалов полученных в ходе исследований совместно с Темкиной по проекту "Институционализации гендерных исследований в России"

It's just that intoxication with freedom kicked in suddenly. We didn't think this was possible, and in our drunken haze we failed to notice how everything crumbled, fell to pieces, and collapsed. It seems like we missed something important.

Дмитрий Голышко-Вольфсон Между двумя Перестройками

Две декады, отделившие Перестройку от сегодняшнего дня, практически не произвели внятной и осмысленной трактовки перестроечных реформ. В массовом сознании (и просвещенном, и обскурантистском) отношении к этому противоречивому периоду чаще всего подозрительное, порой доходящее до циничного безразличия. Видимо, это скорее результат эмоционального похмелья от исторического проигрыша, каковым (ошибочно) предстает Перестройка в культурной мифологии, нежели продукт рациональных усилий понять ее причины и следствия. Словом, Перестройка пока не удостоилась на исчерпывающего, ни адекватного прочтения. Она словно «подвисла» в интерпретационной пустоте, подобно задвинутой и неудобной проблематике. Тонкий историко-критический анализ Перестройки удобен никому – ведь ни одна из правящих (или бывших у власти) элит не взяла ответственность за перестроечную устряску: ни организаторы-коммунисты, ни либералы-реформаторы, ни путинские неоконсерваторы. Чтобы как-то компенсировать историческую нечеткость Перестройки, русский социум привык видеть в ней травматическую «зону забвения», разделяющую советский тоталитаризм и постсоветский неоконсерватизм. Статус выжженной «ничейной земли», навязываемый Перестройке, позволил парализовать те заслуженные упреки, что поколение 2000-х могло бы адресовать предшествующему перестроечному поколению в силу вопиющей исторической безответственности последнего. Мифологический конструкт, прочно внедренный в русскую социальную психологию, представляет Перестройку как непреодолимый разрыв между советским и постсоветским. Между авторитарным советским режимом с его идеологическим диктатом коммунистической партии и выборной представительской демократией 90-х с ее культом свободных рыночных отношений (а затем и управляемой суверенной демократией путинизма с ее триумфом сырьевой экономики). Примечательно,

что современные партийно-политические группировки возводят свой генезис к имперской идее национального величия или советскому патернализму, но никто при этом не апеллирует к перестроечным принципам социального обновления или построения «социализма с человеческим лицом». Разумеется, такое приравнивание Перестройки к так и не осмысленной временной паузе, заполняемой все более и более стирающейся атрибутикой, – это еще и терапевтическая попытка освободиться от неразрешимых проблем, поставленных и заостренных этой рубежной эпохой. Такое упорное игнорирование предпосылок и итогов Перестройки абсолютно не устраивает современную интеллектуальную среду, склонную не деконструировать историю, а отыскивать в ней то, что Ален Бадью называет «процедурами истины». Предметом пристального критико-академического внимания (а также множества парадоксальных истолкований) сегодня становится временной отрезок, непосредственно предшествующий Перестройке, а именно «длинные советские семидесятые», растянувшиеся с 1968 по 1984 год. Характеризуясь замедленным стоячим временем (отсюда мифология застоя) и тенденцией к «замораживанию» истории, этот период содержал в себе (правда в потенциально свернутом виде) огромный ресурс социального беспокойства и преобразования, только частично реализованный Перестройкой. В 2006-8 годах появляется ряд программных книг и статей (например, на страницах «Неприкосновенного запаса»), развенчивающих представление о семидесятых как о финальной стадии советской государственности. Таким образом, Перестройка оказывается не резкой границей между двумя взаимоисключающими социо-политическими формациями, а логическим продолжением экспансионистской политики партийной бюрократии на социальное расслоение и создание крупных монополий. Будучи цепной реакцией на «вязкую экономику согласований» и вынужденный институт дефицита (Александр Шубин), а также

Dmitry Golynko-Volfson Between Two Perestroikas

The two decades that separate perestroika from the present have practically not produced a coherent, articulated interpretation of the era's reforms. The attitude of popular consciousness (both enlightened and obscurantist) to this contradictory period is most often suspicious, sometimes to the point of cynical indifference. This attitude probably stems from the emotional hangover that set in after the historical loss that perestroika is (mistakenly) portrayed as in the cultural mythology, rather than being the outcome of a rational effort to understand its causes and effects. In a word, perestroika has not yet been vouchsafed either an exhaustive or a plausible reading. It has seemingly been "suspended" in an interpretive vacuum as if its case were closed or not amenable to comfortable discussion. A subtle critical-historical analysis of perestroika serves no one, for none of the ruling elites, current and former, has taken responsibility for the severe shock of perestroika—neither its communist organizers nor the liberal reformers nor Putin's neoconservatives. In order to somehow compensate the historical illegibility of perestroika, Russian society has become accustomed to seeing it as a traumatic "zone of oblivion" that separates Soviet totalitarianism from post-Soviet neo-capitalism. The status of a scorched no man's land foisted on perestroika has paralyzed the new generation from justly reproaching the preceding, perestroika generation for its flagrant historical irresponsibility.

Firmly implanted in the Russian social psychology, the mythological construct represents perestroika as an insurmountable rupture between Soviet and post-Soviet, between the authoritarian Soviet regime with its Communist Party ideological diktat and the elected representative democracy of the nineties with its cult of free market relations (which, in turn, was succeeded by Putinism's "managed," "sovereign" democracy with its triumphal natural resources economy). It is striking that today's parties and political groupings trace their genesis to the imperial idea of national greatness or to Soviet paternalism, while no one appeals to the perestroika principles of societal renewal or to the project of building "socialism with a human face." Of course, this equating of perestroika to a pause in time whose meaning has still not been articulated and whose fading attributes come more and more to stand in for its absent content is also a therapeutic attempt to shrug off the unsolved problems posed and brought into sharp relief by this pivotal period.

This stubborn eschewal of the preconditions and outcomes of perestroika is absolutely unacceptable for contemporary intellectuals, who are not inclined to deconstruct history, but to search within it for what Alain Badiou calls "truth procedures." Today, the period that directly preceded perestroika—the "long Soviet seventies" (1968–1984)—has become an object of sustained critical and academic attention (as well as a number of paradoxical interpretations). Characterized by the sense that time had slowed down or come to a standstill (hence the mythology of "stagnation") and the tendency to "freeze" history, this period contained (albeit latently) enormous reserves of social unrest and transformation, which were only partly tapped by perestroika. In the past two years, a series of programmatic books and articles has appeared (for example, in *Neprikosnovennyi Zapas*) that debunk the notion that the seventies were the final stage of Soviet statehood. Thus, perestroika turns out to have been not the stark frontier between two mutually exclusive sociopolitical formations, but the logical continuation of the Party bureaucracy's expansionist policy of social stratification and the creation of huge monopolies. As a chain reaction to the "sticky economy of decision-making" and the involuntary institution of the deficit (Alexander Shubin), as well as to the "dead-end quality of intelligentsia discussions" (Boris Kagarlitsky), perestroika (as Alexei Yurchak correctly notes) issued into a wholly unexpected and simultaneously long-awaited political revolution. The most pejorative reading of perestroika as a "blind spot of indiscernibility" will seem a romantic idealization if we venture the following hypothesis. Namely, that perestroika was (at least in part) a deliberate, planned operation carried out by the bureaucratic corporation in order to redistribute property. Of course, a multitude of catastrophic mistakes was made during the course of the operation.

From this viewpoint it is possible to speak of the “short” perestroika that took place from Gorbachev’s ascension to power in 1985 to the Belavezha Accords that brought about the collapse of the USSR in 1991. This perestroika abolished the Soviet principles of popular sovereignty, ethnic and class equality, and collective ownership of the means of production. The “long” perestroika might be said to have begun with the rise of Solidarity in Poland, in 1981, and to have ended in 1999. This perestroika involved the consolidation and then the gradual dissolution of the bourgeois-oligarchic administrative method propagandized by the right-wing liberals. All these dates and periodizations are quite provisional: during perestroika, so many macro- and micro-level impulses and motivations were in play that this led to an apogee of political dissensus. An even more tangled and unstudied question is: Who were the agents of this massive bureaucratic redistribution? Did they always go on to legalize themselves in the role of major entrepreneurs, or did they remain anonymous and undercover in the role of powerful *éminences grises*? All of this is fertile, endless material for a solid historical study that takes into account the fact that, during perestroika, Soviet subjectivity did not undergo a crisis, but on the contrary was given wide scope to realizing itself in the business world.

There is one more myth concerning perestroika that needs to be re-examined: the conviction that it brought about a psychotic split in Russian consciousness that was accompanied by a depressive lack of faith in the future and a hysterical fear of the unending series of changes. This clinical diagnosis is, in fact, accurate, but it applies to a much later period, the mid-nineties (when it was successfully captured by Oleg Kulik and Alexander Brener, during Moscow actionism’s heyday). Subsequently, the ecstasies of mass psychosis was retrospectively transferred to the perestroika period. The time itself (which was, rather, a time out of time) was abundant with the magical, carnivalesque activeness of the masses: the well-rehearsed elements of the Soviet “society of the spectacle” were unexpectedly supplemented by examples of spontaneous, free consolidation around common interests and ideological views.

One of the readings of the perestroika, then, is that it was an organic phase in a bureaucratic-corporate velvet revolution. It is curious that Boris Groys compares perestroika with May 1968. The parallels, undoubtedly, are many, and they are fairly obvious. However, according to Slavoj Žižek, who quotes the well-known graffiti that appeared on the walls of Paris in 1968, “Structures don’t walk in the streets,” and its interpretation by Lacan, structures did indeed walk in the streets during the May revolution. On the contrary, during perestroika, the structures moved from sparsely furnished offices to more comfortable digs. This understanding of perestroika forces us to consider the revisionist thesis that the rapid flowering of so-called new, avant-garde, and experimental culture in the late eighties happened not so much *because of* perestroika as *despite* it, with its direct or oblique connivance. Perestroika itself did not stimulate the search for new artistic and theoretical idioms, the publication of intellectual journals, the founding of free universities and other convivial self-education projects, and the squatting of buildings by artist communes. This outpouring was provoked exclusively by the system’s heightened state of entropy, and thus almost none of the perestroika-era initiatives outlived the nineties. In my view, one of the most painful, irreparable consequences of perestroika is the fact that, in the following decades, Russia has been unable to produce *progressive and responsible* institutions for the literate, competent development of the interface between artistic practice and the public sphere. In the nineties, their place was occupied by western grant-making foundations, and in the following decade it has been subsidized by local patrons, which makes art directly dependent on the whims of big capital.

Today, however, there is the paradoxical sense that perestroika wasn’t finished: although it suffered a symbolic defeat, it still has not exhausted its renovatory potential. This sense is strengthened by the fact that, during the eighties, perestroika seemed a half-baked or even spurious, inauthentic incident, and thus the authentic breakthrough event had been postponed until a more favorable conjuncture occurred. (Are we today closer to this moment than ever before?) Alexei Balabanov articulates this sense in a pitiless, nearly physiological manner in his misanthropic film *Cargo 200*. The eve of perestroika, the year 1984 (when the events of the film unfold), is allegorized as the culmination of today’s bureaucratic police state. The current agenda—the inhuman biopolitical dictate of law and order, which threatens to collapse into irrational bestiality—can be overcome only by a new, purgative perestroika.

As a counterweight to the grand bureaucratic manipulation we witnessed in the eighties, today it makes sense to speak of a “real” perestroika (in the Lacanian sense of the word) that has not yet happened, that has been temporarily postponed and slated for the future. The arch-task of this perestroika has nothing to do with the redistribution of power and property, but is concerned with the renewal and purification of what Badiou calls the “communist hypothesis”—that is, the return of the utopian ideals of popular sovereignty and solidarity that were implicitly programmed into Soviet democratism. Our conversation about perestroika or our use of the terms of perestroika requires a maximum of self-critical seriousness and the unambiguous rejection of easy, ironic devices for revising the Soviet past—for example, the glam comics play with the aesthetics of socialist realism practiced by AES+F, or the burlesque gags mastered by the Blue Noses Group.

The real perestroika represents an unavoidable ethical challenge that presumes (borrowing again from Badiou) a fanatical faithfulness to the Event and thus an emotional commitment to and activist involvement with it. The experience of the real perestroika is the experience (albeit metaphorical) of abiding within its historical duration, which makes it possible to radically delimit the positive components of the Soviet legacy from the negative effects of the (post)perestroika-era redistribution of power. In any case, today’s intellectuals and artists are faced with an ethical choice. Which side are they on? That of the bureaucratic velvet revolution, which has brought about the hegemony of authoritarian capitalism? Or that of the real perestroika, the perennial possibility of renewal that looks simultaneously to the past, to the future, and to our present?

Dmitry Golynko (born 1969), lives in St. Petersburg. Poet and the researcher who specialised on contemporary culture and media. Works at the Russian Institute of Art History in Petersburg

на «тупикивость интеллигентских дискуссий» (Борис Кагарлицкий), Перестройка обернулась совершенно неожиданным и одновременно давно ожидаемым властным переворотом. Само пейоративное прочтение Перестройки как «слепого пятна неразличимости» покажется романтической идеализацией, если мы предположим следующее. А именно, что Перестройка (хотя бы частично) была спланированной и продуманной корпоративно-бюрократической операцией по переделу собственности, проведенной, разумеется, с множеством катастрофических ошибок. В таком ракурсе возможно говорить о «малой» Перестройке, прошедшей с восхождения Горбачева в 1985 году до Беловежского соглашения о распаде СССР в 1991 году: она отменила советские принципы народовластия, социальной справедливости, национального и классового равноправия, а также коллективной собственности на средства производства. «Большая» Перестройка может быть периодизирована с 1981 года, когда в Польше выступила «Солидарность», по 1999 год: связана она с упорением, а затем постепенным упразднением буржуазно-олигархического способа правления, пропагандируемого правыми либералами. Все эти датировки и периодизации крайне условны: заметим, что в ситуации Перестройки действовали столько макроуровневых или микроуровневых импульсов и мотиваций, что это приводила к апогею политических рассогласований. Еще более запутанный и неизученный вопрос, кто были агентами этого масштабного бюрократического передела? всегда ли они легализовались в дальнейшем в амплу крупных предпринимателей, или они оставались безмянны и засекречены в роли могущественных «серых кардиналов»? Все это благодатный и безбрежный материал для перспективного исторического исследования, учитывающего, что в Перестройку советская субъективность не потерпела кризис, а, наоборот, получила широчайшее поле деятельности для проявления себя в деловой сфере.

Еще один касающийся Перестройки миф, требующий перепроверки, - это убежденность в том, что она привнесла в русское сознание психотический раскол, сопровождаемый депрессивным синдромом неверия в будущее и истероидным страхом перед непрекращающейся вереницей перемен. Действительно, такая клиническая картина имела место, но гораздо позднее, в середине 90-х, (что было так удачно схвачено Куликом и Бренером в «звездный час» московского акционизма), и только затем вся эта экстастика массового психоза была ретроспективно перенесена на эпоху Перестройки. Само же это время (или скорее безвременье) баловало феерической и карнавальностью активности масс, когда хорошо отрежиссированные элементы советского «общества спектакля» неожиданно дополнялись примерами стихийной свободной консолидации по интересам или идейным воззрениям.

Итак, одна из версий Перестройки заключается в том, что она была органичной фазой корпоративно-бюрократической бархатной революции. Любопытно, что Борис Гройс сопоставляет Перестройку с маем 1968 года. Наверное, параллелей действительно немало и они достаточно очевидные. Но по мнению Славоя Жижека, цитирующего знаменитое граффити “Структуры не выходят на улицы!” и его истолкование Лаканом - во время майской революции структуры как раз и вышли на улицы. Зато во время Перестройки структуры, наоборот, из аскетичных кабинетов перебрались в более комфортабельные. Такое понимание Перестройки подталкивает к ревизионистскому тезису, что стремительный расцвет так называемой новой, авангардной и экспериментальной культуры во второй половине 80-х происходил не столько *благодаря* Перестройке, сколь *вопреки и вразрез* с ней, при ее прямом или косвенном попустительстве. Сама Перестройка не стимулировала поиска новых художественных и теоретических языков, издания интеллектуальных журналов, учреждения самообразовательных дружеских университетов и академий, захвата домов и территорий под артистические коммуны. Все это было спровоцировано исключительно повышенной энтропийностью системы; поэтому почти ни одна из перестроечных инициатив не пережила девяностые. На мой взгляд, одно из самых обидных и непоправимых

последствий Перестройки - это то, что в ее результате (подчеркну, именно в результате) в России последующих десятилетий так и не были созданы *прогрессивные и ответственные* институции, занятые грамотным и компетентным обустройством художественного пространства в его взаимосвязи с публичной сферой. В 90-ые их место заняли западные фонды с их грантовым субсидиями, а в 2000-ые оно отошло к меценатским дотациям, ставящим искусство в прямую зависимость от прихотей крупного капитала.

Но парадоксальным образом сегодня ощущается незавершенность Перестройки; потерпев символический крах, она все-таки не исчерпала свой обновительный потенциал. Ощущение это усиливается и тем, что Перестройка 80-х выглядела половинчатым или даже мнимым, ненастоящим происшествием - значит, подлинное и настоящее переломное событие отложено для более подходящего «текущего момента» (а не близки ли мы к нему сегодня, как никогда?). Безжалостно, почти на физиологическом уровне такое ощущение проговаривает Алексей Балабанов в мизантропическом фильме «Груз 200». Канун Перестройки, 1984 год (когда разворачивается сюжет фильма) аллегорически предстает кульминацией сегодняшнего полицейско-бюрократического государства. Заявленный сегодня бесчеловечный биополитический диктат порядка и законности, грозящий провалиться в иррациональное зверство, может быть преодолен только новой очистительной Перестройкой.

В противовес той грандиозной бюрократической манипуляции, что мы видели в 80-ые, сегодня имеет смысл говорить о Реальной Перестройке (эпитет «реальная» отсылает к Лакану), которая еще не состоялась, которая пока отсрочена и зарезервирована на будущее. Сверхзадача этой Перестройки не в переделе власти и собственности, а в реактуализации и очищении того, что Бадью называет «коммунистической гипотезой», то есть в возвращении тех утопических идеалов народовластия и солидарности, что имплицитно были заложены внутри советского демократизма. Разговор о Перестройке или в терминах перестройки требует предельной самокритичной серьезности, однозначного отказа от облегченных иронических приемов ревизии советского прошлого. Например, от гламурно-комиксовой игры с эстетикой соцреализма, что практикует группа AES+F, или от рашно-комических гэгов, освоенных группой «Синие носы».

Реальная Перестройка являет собой неизбежный этический вызов, предполагающий - согласно Бадью - фанатическую преданность Событию и, тем самым, эмоциональную или активистскую включенность в него. Опыт Реальной Перестройки - это опыт (пусть и метафорический) нахождения внутри ее исторической длительности, что позволяет радикально разграничить позитивные компоненты советского наследия от негативных эффектов (post)перестроечного передела власти. Современный интеллигент и художник так или иначе находится в ситуации этического выбора, на чей он стороне - бюрократической бархатной революции, приведшей к господству авторитарного капитализма, или Реальной Перестройки, вечной возможности обновления, ориентированной и в прошлое, и в будущее, и в наше настоящее.

Дмитрий Голынок. Родился в 1969 году. Живет в Санкт-Петербурге. Поэт, критик, исследователь современной культуры, сотрудник Российского Института Истории Искусств.

МЫ УПУСТИЛИ КАКУЮ-ТО СУЩЕСТВЕННУЮ ДЕТАЛЬ
и теперь, судя по всему, нам придётся
переснимать весь ДУБЛЬ
ЗАНОВО.

АКТЁРЫ ПРИГОТОВИЛИСЬ.
ЛИШЬ НА ПЛОЩАДКЕ.
КАМЕРА.
МОТОР.
ПОЕХАЛИ!

We omitted an essential detail and now it looks as if we'll have to shoot the whole scene over again. Actors in your places. Quiet on the set. Lights, camera, action!

Авторы номера: Артем Магун и Борис Кагарлицкий
Perpetuum Mobile | Цапля – Дмитрий Виленский – Глюкля
Елена Здравомыслова | Алексей Юрчак | Дмитрий Голышко
Authors of this issue: Boris Kagarlitsky and Artemy Magun
Perpetuum Mobile | Tsaplya – Dmitry Vilensky – Gluklya
Alexei Yurchak | Elena Zdravomislova | Dmitry Golyanko

благодарность: всем авторам, переводчикам и друзьям, поддержавшим это издание
many thanks to: authors, translators and friends who supported this publication

Produced on collaboration with U-TURN Quadrennial for Contemporary Art with the support of the Culture Programme of the European Union and Kulturkontakt Nord and with financial support from Kalmar Konstmuseum, Sweden and Belgrade Cultural Centre, 49th October Salon, Serbia

редактор / editor: Дмитрий Виленский / Dmitry Vilensky | **дизайн и набор / lay-out:** Д. Виленский
комикс и картинка для обложки / cartoon and cover image: Николай Олейников / Nikolay Oleynikov /// графика обложки основана на плакатах перестройки и эскизу Глюкли к фильму Перестройка - Зонгшпиль; комикс основан на основе фотографий сделанных во время съемок фильма the cover is based on the images of perestroika posters and the sketch done by Gluklya for the film "Perestroyka -Songspiel"; the cartoon is based on production shots done during the filming "Perestroyka -Songspiel" **перевод на англ. / translations:** Томас Кэмпбэлл | Thomas Campbell

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом. Работа платформы осуществляется через сеть коллективных инициатив и их диалоге с интернациональным контекстом.

Founded in early 2003 in Petersburg, **the platform "Chto delat?"** is a collective initiative that is aimed at creation and developing a dialogue between theory, art, and activism and about the place of art and poetics in this process.

подробности на сайте | see more at www.chtodelat.org /// contact: info@ctodelat.org / dvilensky@yandex.ru

